

Хаим Фельдман

Кто «убил» «Статус»,
или
Преступление без
наказания

Хаим Фельдман
Кто «убил» «Статус», или Преступление без наказания

М.: «Москва», 2018 г. – XXX с.
ISBN XXX-X-XXXXXXXX-X-X

«Кто убил «Статус» - уникальная книга. Прочитав её, вы взглянете на многие вещи иначе. Книга раскроет вам глаза на то, о чём вы не подозревали!

Эта книга – не детектив, в котором благородный сыщик разоблачает хладнокровного убийцу, подсыпавшего яд в чай богатой тётушке. Но в то же время – детектив, только гораздо более жизненный. Это история одного преступления. Она отличается от классических криминальных сюжетов тем, что злодеяние до сих пор не раскрыто. И злодеи не только не наказаны, но и продолжают занимать высокие посты.

Автор, Хаим Фельдман, написал эту книгу именно для того, чтобы преступление было должным образом расследовано и официально раскрыто. Чтобы виновные были названы во всеуслышание. И чтобы предотвратить подобные преступления в дальнейшем.

Итак, на знойной земле Израиля жила и работала компания «Статус Групп». Её сотрудники честно исполняли свои обязанности, помогая тысячам людей. А потом последовали события, потрясшие компанию до основания. Рассказ об этих событиях потрясёт и читателей книги. Ведь немногим известно, что честный и добросовестный бизнес не по нраву определенным силам в государственной машине Израиля...

Правда о событиях вокруг «Статус Групп» поражает воображение. Вы поймёте, что жить и воспринимать реальность по-прежнему - больше не получится.

Автор считает, что то, что произошло с его компанией, не должно повториться. Потому и написана эта книга.

Оглавление

От автора.....	5
Пролог.....	7
Глава 1. Моя алия.....	9
Я – не груша!.....	9
Что еврею хорошо – собака или водка?.....	12
Сионизм на собственной шкуре.....	14
Голова помогает ногам.....	16
Глава 2. Мой труд и моя удача.....	19
«Хочу быть гендиректором!».....	19
Надеваю наручники.....	22
Появляется «Статус».....	25
Глава 3. Ваучер на расправу.....	28
Дружеские сети.....	28
Банановым республикам до нас далеко!.....	31
О богам и смертных.....	36
Кому выгодно?.....	38
Глава 4. Драма в пяти картинах.....	41
Картина первая. Деньги или репутация?.....	42
Картина вторая. Письма из мира абсурда.....	50
Картина третья. «Именуемое в простонародии шайкой».....	59
Картина четвёртая. Не тот контролёр.....	70
Картина пятая. А-Камбина Рафи Гината.....	75
Глава 5. Лавина с горы.....	88
Денег больше не дадим!.....	88
Ложь работает.....	90
На одной ноге не устоять.....	93
Посмотрим в зеркало.....	95
Вместо послесловия.....	98

(...)

Дай бог не вляпаться во власть
И не геройствовать подложно,
И быть богатым — но не красть,
Конечно, если так возможно.

Дай бог быть тертым калачом,
Не сожранным ничьей шайкой,
Ни жертвой быть, ни палачом,
Ни барином, ни попрошайкой.

Дай бог поменьше рваных ран,
Когда идет большая драка.
Дай бог побольше разных стран,
Не потеряв своей, однако.

Дай бог, чтобы твоя страна
Тебя не пнула сапожищем.
Дай бог, чтобы твоя жена
Тебя любила даже нищим.

(...)

Дай бог всего, всего, всего
и сразу всем — чтоб не обидно...
Дай бог всего, но лишь того,
за что потом не станет стыдно.

Евгений Евтушенко, 1990 г.

От автора

Почему я пишу эту книгу?

Потому что люблю нашу страну. Израиль – мой дом, я здесь стал таким, какой я теперь. Я благодарен судьбе за то, что я израильтянин.

Потому что я имел неосторожность пребывать какое-то время в плену иллюзии. Иллюзия заключалась в том, что я не осознавал масштабов чиновничьего беспредела на территории Государства Израиль. Я верил, что страна у нас демократическая и цивилизованная. За эту иллюзию я заплатил высокую цену. И не я один.

Потому что я уверен, что страну разъедает злокачественная опухоль беспредела. И она коснётся всех, если об этом вовремя не предупредить. Многие не поверят, что опасность действительно серьёзна. И многие не смогут оправиться от ударов, когда они будут нанесены. Я смог, но не у всех есть мои преимущества – силы, характер, способность выживать в любых условиях.

Потому что считаю необходимым рассказать о безобразии, с которым столкнулся. Информация – первое лекарство от болезни беззакония, как и от болезни иллюзий.

Потому что верю, что ещё не всё потеряно. Верю, что если заняться лечением, то страну можно будет спасти. Верю, что есть честные люди, способные нейтрализовать опухоль, а потом и удалить её.

Зачем я пишу эту книгу?

Чтобы другие люди не повторили моей ошибки, а наоборот – реально оценивали ситуацию, в которой мы находимся, и не позволяли иллюзиям исказить картину.

Чтобы не остались безнаказанными те персоны, для кого беспредел – это способ добиваться своих целей. Для кого закон – пустяковина, которую можно обойти, если речь идёт о своих интересах. И кто до сих пор продолжает занимать серьёзные посты в Государстве Израиль, принимать важные для страны решения, управлять людьми.

Кто «убил» «Статус», или Преступление без наказания

Чтобы подтолкнуть правоохранительные органы Израиля к разбирательству по поводу информации, изложенной в этой книжке. Те структуры государства, чья задача – охрана правопорядка, должны дать официальную оценку ситуации. Разорвать цепочку лжи и преступлений, до которых никому нет дела.

Чтобы начать процессы, которые помогут сохранить страну, удержать в ней сильных и креативных людей, которые разочаровались в здешних перспективах и покидают, или собираются покинуть, Израиль.

Чтобы рассказать, чего Израилю надо бояться больше, чем внешних угроз. Нас очень любят пугать палестинской или иранской угрозами. У страны есть реальный шанс не дожить до момента, когда они нависнут всерьёз. Если злокачественная опухоль расползётся, она погубит организм изнутри раньше, чем внешние угрозы.

Внутренняя болезнь, о которой молчат и которую не лечат, – опаснее.

Я не хочу о ней молчать и поэтому пишу эту книгу.

Пролог

Израиль – наверное, лучшая страна на свете. Или нет. Всё зависит от точки зрения и от вашего личного опыта. Для туристов это, конечно, рай. Для репатринтов – родина-мать.

Но, в любом случае, Эль-Аль – лучшая авиакомпания в мире. И аэропорт Бен-Гуриона – лучший. По крайней мере с точки зрения безопасности. Главное: когда очаровательные (но очень внимательные!) девушки из службы безопасности задают вам вопросы в очереди на посадку – не стоит врать. Впрочем, в этом грехе я, по словам моих знакомых, сотрудников и клиентов, вроде бы и не замечен. Вот не шутить (а внимательные девушки этого не любят!) гораздо сложнее. И если на вопрос «Кто складывал вам вещи в чемодан?» я уверенно ответил – мол, сам... То вопрос «Не просил ли вас кто-нибудь что-то передать?» вызвал целую бурю эмоций. Просили, конечно. В первую очередь – опыт. Бесценный опыт. Который обошёлся мне очень-очень дорого. Но, может, опыт этот пойдёт на пользу другим? Вам, например? Ведь «предупреждён – значит вооружён».

От шуток со службой безопасности я воздержался, поэтому пятнадцать минут спустя уже спокойно сидел в «Боинге» и с грустью разглядывал в иллюминатор раскалённую солнцем рулѐжную дорожку аэропорта. Прощался на время с этой прекрасной землѐй, мечтал о скором возвращении и пытался понять: как же так получилось, что, отдав своей исторической родине четверть века жизни, сегодня я вынужден улетать отсюда? По соседней дорожке пронеслась машина с мигалкой, и я вдруг подумал: не решили ли мои заклятые «друзья» подготовить мне на прощание какой-нибудь особо гадкий сюрприз? Но нет, это оказалась обычное авто аэропортовых служб. Что ж, значит «друзья» думают, что они уже победили меня. Пусть мечтают. Пока.

Командир экипажа представился по трансляции, и самолёт медленно пополз к взлѐтной полосе. Я пристегнул ремень и в эту секунду понял, что напишу книгу. Эту книгу. В конце концов, если мне «подарили» бесценный опыт – грешно им не поделиться с другими, правда?

Я хочу, чтобы вы узнали правду о настоящей, самой главной угрозе Государству Израиль. Угрозе, которая страшнее палестинских террористов или сирийских обстрелов. О гидре коррупции, которая пожирает мою страну, и может, не дай Б-г, сожрать

Кто «убил» «Статус», или Преступление без наказания

её всю. Я напишу книгу о своём опыте, чтобы вы знали правду и могли сделать выводы. А потом я вернусь в лучшую страну на свете. На свою родину. Чтобы бороться с этой гидрой и дальше. Обязательно вернусь!

Глава 1. Моя алия

Я приехал в Израиль совсем молодым человеком и полюбил страну. Я возмужал здесь и получил первый серьёзный жизненный опыт и закалку. В полной мере «взошел наверх» - в соответствии со значением слова «алия». Силы для того, чтобы начать бизнес, успешно развивать его, биться за него, дала мне моя новая страна и моя семья. Я – истинный еврей, семья для меня – святое, основа, благодатная почва. Меня мои родные научили, в первую очередь, держать удар и отвечать на него. «Ты не боксёрская груша» - уяснил я свой первый жизненный девиз. Пару слов скажу о своей алии, это важно.

Я – не груша!

В седьмом классе я записался в секцию бокса.

Во всякие секции я и до этого ходил – приличные, без мордобоя. В музыкальную школу, радиокружок, баскетбол, бальные танцы. Все это множество занятий я выбирал, движимый любопытством. При этом я не стремился к рекордным достижениям, зато понимал, как устроены разные стороны жизни.

И тут – бокс! Не спросясь, не посоветовавшись! Аз ох-н-вэй!

Можно себе представить, что сказали у меня дома.

Медицинскую справку для секции я тайно взял у своей тётки Бэллы, одного из лучших педиатров города. За что тетя Бэлла имела нагоняй от моей матери, воплощавшей хрестоматийный образ еврейской мамы. Благодарные сыновья великого народа сложили такой анекдот: «Чем отличается террорист от еврейской мамы? – С террористом, в принципе, можно договориться!» И только евреи знают, какая в этой шутке доля шутки, а какая – бесконечной любви и признательности нашим мамам...

Так вот.

С тёткой Бэллой я как раз договорился. Последовавший за этим телефонный разговор звучал так:

- Бэлла, ты с ума сошла! У него и так было сотрясение, без бокса!

- Гитка, успокойся. Пусть мальчик сходит. Пусть ему там набьют морду. Он будет мужчина, и уже скоро! Мужчине полезно. А то – бальные танцы...

Слава Б-гу, у нас была очень сплоченная семья. Папа принимал живейшее участие в моём воспитании и растил сына вовсе

Кто «убил» «Статус», или Преступление без наказания

не неженкой. Он приучил меня с самого детства бегать по утрам. Бывало, что папа поднимал меня на эти пробежки чуть ли не ремнём. Еще я интересовался баскетболом, радиоделом и ходил в кружок «Юный десантник». Так что нельзя сказать, что я был принцессой на горошине, утопающей в тёплых перинах и не знающей, что такое утренняя зарядка.

Бокс папа тоже одобрил.

Мой отец, пока мы росли, был «несущей стеной» в семье и считал своим долгом сделать так, чтобы мы ни в чём не нуждались. Специальность инженера-механика представлялась ему не очень плодотворной в этом плане, и он профессионально занимался спортом, выполнял с товарищами высокооплачиваемые строительные подряды (тогда это называлось «шабашить»), занимался фотографией при комбинате бытового обслуживания и на этом отлично зарабатывал.

Мама была в Курске главным нефрологом, всего добилась своими силами, прошла путь от участкового и врача реанимации до ведущего специалиста города. Бывало, мы с сестрой Руфиной в детстве сидели у мамы в ординаторской: она не могла отлучиться домой и заняться нами, потому что в её помощи нуждались тяжелые больные.

Я люблю город моего детства. Курск – одна из твердынь черной земли России, житница, крестьянский край. Жители этой земли описаны еще в великом «Слове о полку Игореве». Я вспоминаю город и его жителей с благодарностью, но во всех краях и почти у каждого человека в период взросления бывает конфликт со сверстниками. Курск тут ни при чём. Это случается с подростками и в Лос-Анджелесе, и в Южно-Сахалинске, и в Киеве.

В моём классе, как в любом классе, была компания пацанов, которые не желали учиться и подчиняться правилам, а желали самовыражаться, задирая тех, кто от них отличается. Не знаю, как их одним словом назвать. Хулиганы? Да нет, все мальчишки хулиганят, я и сам такой был... Неблагополучные? Да нет, у них были нормальные с виду родители... В общем, проблемные. Для меня в первую очередь. Примерно с четвёртого по седьмой класс у меня была эта проблема.

Мама моя всегда говорила: «Нужно гордиться тем, что ты еврей. Мы – избранный народ. Ты – правнук знаменитого раввина». Маминого деда при Сталине арестовали, а потом сослали в

Сибирь за то, что он учил евреев Торе и Закону, когда полагалось всем быть безбожниками. В самые что ни на есть советские годы в доме моих деда и бабушки отмечали все иудейские праздники. Отмечать-то отмечали, но распространяться об этом широко было не принято. А я мог, явившись в школу с ханукальными деньгами, громко хвастаться так примерно: вот, если бы у вас всех был праздник Ханука, вам бы тоже дали столько денег! Характер у меня был, как у всех в переходном возрасте, колючий и несговорчивый. Просили же меня дома про Хануку не орать на всех углах... Поэтому той группке пацанов, которой хотелось быть круче всех, было просто ко мне прицепиться. Они пару раз обозвали меня «жидовской мордой», я - в драку, они в ответ с тумаками. Так конфликт сложился и вызрел. Еврейство моё сыграло тут не главную роль. Главным был мой неуживчивый характер.

Отец в мои разборки в школе не вмешивался, потому что я не жаловался. И папа считал, что я правильно себя веду. Вот если Руфину обидят, сказал он, я приду защитить девочку. А мальчик не станет мужчиной, если я буду регулировать за него подростковые конфликты.

В общем, я понял, что не сделаться боксёрской грушей – это моя и только моя задача. Это первый мой шаг к осознанию того, что опираться надо на свои силы. Надо было становиться не грушей, а боксёром – в прямом и переносном смысле. Отсюда и возник выбор секции – к ужасу мамы. Тем более что в старших классах школы я был щуплым и невидным. Но оказался, по крайней мере, жилист и вынослив – спасибо и папиным пробежкам, и баскетболу, и боксу.

Ходил-то я туда недолго. С полгода. Достаточно было овладеть несколькими основными ударами: я же не в мухамеды али метил, а просто хотел уметь защищаться. Пару раз у меня получилось дать своим обидчикам, может, и не блестящий, но вполне достойный отпор. И больше меня не трогали.

Мне с самых ранних лет не хотелось быть похожим на «еврейского сыночка» из анекдотов и песенок. Это вообще расхожий штамп, очень редко соответствующий действительности. Еврейские сыновья, воспитанные еврейскими мамами и папами, любящими и самоотверженными, хотя и несколько хлопотливыми, получаются в большинстве случаев сильными, достойными людьми. Примеров достаточно и в истории, и в литературе: у

Что еврею хорошо – собака или водка?

Чем старше я становился, тем очевиднее для меня была простая мысль: невозможного в жизни немного, всё зависит от тебя. Была у меня с самого детства мечта: я хотел собаку. Мне мало в чём отказывали, а вот собаку не разрешали, прямо как Малышу из сказки Астрид Линдгрен. И тут пришла пора держать первые в жизни экзамены – за восьмой класс. Предметы, которые предстояло сдавать, я весь год с трудом «тащил» на троечки. Не от глупости – от лени, от мальчишеского разгильдяйства. И вдруг где-то в середине весны мне говорят: постарайся-ка, сыночек, сдать все экзамены на пятерки – тогда поговорим о собаке. Слабо?

Это мне-то слабо?! – сказал я себе. И сам себя не подвёл. Я больше и не помню, когда так уходил с головой в какое-нибудь занятие. Я сел за книжки, взял у сестры конспекты (откуда у меня, растяпы, свои-то?) и к экзаменам одолел все нужные дисциплины, как выражались в дореволюционной России, «на ять». Аттестат я гордо предъявил семейству.

И знаете, что главное в этой истории?

Даже не собака. Её так и не разрешили – мама взмолилась о пощаде, у неё оказалась аллергия на шерсть домашних животных. Мне даже честно сказали, что это и была основная причина того, что собаку столько лет не заводили. А пообещали мне её, наконец, завести, чтоб меня подстегнуть. Никто не верил, что я смогу «на все пятерки», вот и поманили меня заведомо недостижимым призом.

Это был первый случай, когда я действовал под девизом, которому меня потом крепко научит армия Израиля: всё возможно, всё у тебя в голове. Может, несколько идеалистично, зато хорошо мотивирует.

Воплотилась моя детская мечта о собаке, когда я стал уже бизнесменом. Белка – золотистый ретривер, независимая и добрая, очень преданная. Я люблю в шутку говорить, что у нас в доме один настоящий человек – Белка...

После восьмого класса я и вовсе ушел в строительномонтажный техникум. Там ситуация оказалась зеркальной по отношению к школьной. Мы с приятелем Мишкой были два еврея среди неевреев, но в группе как раз стали лидерами. Не то

что бы бить нас никому в голову не приходило – нас честно и единогласно избрали старостой и комсоргом. Наверное, решили, что у еврея лучше получится считать деньги: я был как староста ответственным за выдачу стипендий.

Но однажды сложилась ситуация, показавшая, что дело даже не в стипендии: просто мы были уже повзрослее и правильно себя поставили.

Послали нас от техникума в колхоз. С местными мы ухитрились не враждовать, а плодотворно сотрудничать. А именно – мы играли с ними в футбол. Так как в понимании местных играть просто так было неправильно, играли мы «на интерес». В соответствии с нашими представлениями о взрослости, «интерес» составляла водка: победившая команда получала бутылку.

Мы играли лучше, и всю полагавшуюся за победы водку выпить было еще сложно – всё-таки нам было всего по шестнадцать лет. Выигрыши копились в вещмешке у Мишки, и там-то спиртное и нашла преподавательница техникума. За возмутительное укрывательство водки среди личных вещей товарищ мой был лишён стипендии на ближайший семестр.

Наказанный на деньги Мишка оказался, по сути, виноватым за всех – у него просто был самый большой вещмешок. Поэтому я призвал одноклассников ежемесячно скидываться и возмещать ему отсутствующую стипендию. Ни одна душа не возразила. Это решение показалось всем вполне справедливым, и, подзреваю, наш с комсоргом авторитет тоже сыграл свою роль.

Вообще, мое решение пойти после восьмого класса в техникум было воспринято в семье тоже не без беспокойства. Я школьную учебную программу одолевал без труда, разве что ленился. А из восьмого, все помнят, в техникумы уходили обычно глуповатые, неблагополучные, хулиганистые. Я же просто захотел, как часто бывало, увидеть жизнь ещё с одной стороны и научиться чему-то полезному. Заодно узнал много нового из области отношений между людьми, законов лидерства, перипетий дружбы и приятельства.

Спасибо всем первым моим наставникам – за жизненный опыт и волю к победе. Школа и секция бокса впервые подтолкнули меня к мысли о том, что не всё на свете безоблачно, не все окружающие обязаны тебя любить, но при этом нельзя становиться боксёрской грушей. Учёба в техникуме, дальнейшее взросление доказали: ни раскисать, ни ожидать, что кто-то ре-

шит за тебя твои проблемы, не стоит.

Жизнь будет меня и дальше этому учить – в новой, поначалу чужой стране, в вооружённых силах Государства Израиль, в бизнесе, в работе с государственными структурами.

Но сначала была эмиграция.

Сионизм на собственной шкуре

И вот она перед нами – наша новая родина. Незнакомая, странная. Пальмы, море, очень жарко. Все совершенно не так, как дома. Чужой язык. И мне всего семнадцать лет.

Страшновато сначала было, а как же.

Наверное, нас можно было назвать настоящими сионистами. То есть людьми, чья жизненная цель – поселиться на земле обетованной и принести ей максимальную пользу. А уж польза для самих себя получится автоматически.

Сионизм как идеологию сформулировал, как мы знаем, австро-венгерский еврей Теодор Герцль. Идея его сводится к тому, что евреям всего мира лучше всего будет в собственном государстве, потому что в прочих государствах они почему-то всем мешают. Неевреев Герцль, кстати, тоже приглашал в этот дом, если они этого хотят и обязуются прилично себя вести.

Так что сионисты – это не те, кто считает, что евреи лучше и главнее всех. Это те, кто берет свои пожитки и уезжает на историческую родину со словами: спасибо всем за гостеприимство, но там мой дом.

Вот примерно по этой причине и уехала моя семья.

Тогда, в конце восьмидесятых, только набирала обороты перестройка, ещё не начался избыток свободы в сочетании с нехваткой еды, который придавит российских граждан в девяностые и обратит многих бюджетных нищобродов в мелких торговцев чем придется. Мы, вообще, жили в достатке, потому что никто в семье никогда не бездельничал. Мне в моем детстве всего хватало (я же еще был младшенький!), проблемы решались, любые жизненные ситуации утрясались. Разумеется, у родителей были весьма обширные связи. Можно сказать, мы были советской элитой. Но именно в то время, в конце восьмидесятых, идея «будущего на исторической родине» захватила еврейскую общественность. В эти годы, видимо, родился анекдот про то, как еврей вмешивается в чужой разговор: «Не знаю, о чём вы тут говорите, но надо ехать, надо ехать!» Вот все и поехали, по-

тому что покинуть бывший «совок» стало проще. Друзья убеждали и сманивали друзей, родственники – родственников. Конечно, немало людей ехало за мечтой о заграничном достатке с полными прилавками. Но справедливости ради надо сказать, что тогда многие евреи вдруг остро ощутили свое еврейство. Действительно, говорю без капли сарказма, захотели в некий свой дом, который придумал еще в конце девятнадцатого века Теодор Герцль.

А тут ещё грянула в полный рост гласность! Сколько нового узнали бывшие советские граждане о своей стране «с непредсказуемым прошлым», о ее руководителях – давних и современных, о плачевном состоянии экономики, о катастрофическом загнивании важных сфер: медицины, образования, армии!

Сия последняя вызывала у моей семьи особенное беспокойство. Ибо мне скоро предстояло быть в эту армию призванным, а тогда только и было слышно, какое там растление, дедовщина, произвол командиров и неуставные отношения. Повесть «Сто дней до приказа», художественный фильм «Караул» подлили масла в огонь. Все вправду испугались, особенно матери. Ведь идея «косить» от армии родилась тоже где-то в эти годы. В Советском Союзе все шли служить и ничего не боялись, хотя пресловутая дедовщина – дитя конца шестидесятых. Видимо, в моей семье волновались и из-за вышеописанных проблем самой армии, и из-за особенностей моего мировоззрения. Вы, должно быть, уже поняли по моим предыдущим строкам, что я был отнюдь не сахар. Моя мама не была бы еврейской мамой, если бы не беспокоилась, как я с таким характером буду в этой армии. Вот эта мысль в совокупности с мыслью о том, почему бы нам, евреям, не поехать жить к евреям, наверное, и определили наше решение перебираться на землю обетованную.

Для нас она совсем не была «землёй, текущей молоком и мёдом». Наоборот, жизнь была не мёд. Надо было начинать всё заново, и это не фигура речи. Благоустроенная квартира, многолетняя работа, привычный круг общения остались в Курске. А ещё мы ведь уезжали из Советского Союза. Только через год после нашего отъезда случился демократический переворот и роспуск СССР. А тогда ещё не объявили в стране капитализм, нельзя было продать квартиру, вывезти с собой значительную сумму денег. Родители были в Курске люди с положением, а в новой стране пришлось, как вчерашним студентам, доказывать,

что ты можешь приносить пользу. Мама после двадцати лет работы врачом и положения главного специалиста города была вынуждена проходить профессиональную переквалификацию. Отец сначала пошел поливать газоны, затем окончил курсы переподготовки для инженеров и устроился работать по своей институтской специальности, по которой почти не работал в Союзе. Мне пришлось искать неквалифицированную работу и зачастую получать меньше установленного минимума оплаты труда.

И всё-таки мы были благодарны нашей новой родине. Она бесплатно учила нас ивриту, предоставляла возможности устроиться на работу, выучиться профессии. Я сам потом внедряюсь в этот бизнес, достигну в нем успеха. О судьбе моей компании будет еще долгий и, к сожалению, невеселый разговор.

А пока мы начинали с того, что учили новый для нас, совершенно не родственник русскому, причудливый язык царя Давида. Однако я увлекался тогда общением со своими русскоязычными сверстниками, много гулял по ночам, как и положено молодому парню. Занятия в ульпане были для меня скучноваты. Ивритские огласовки, сопряжённые конструкции и биньяны глаголов быстро меня утомляли, и я на занятиях неприлично спал.

Потом моя мама поузнавала, куда в этой стране можно пристроить такого, как я, оригинала. Ей посоветовали интернат по подготовке технических специалистов для армии на военной базе, где спать на занятиях никому не позволяют и дисциплина войсковая. Я уж совсем было начал учиться как человек, но попал в историю: меня отчислили за потасовку. Я, в общем, не так уж был неправ, но драться было не надо. Пришлось получить через биржу труда специальность сварщика и до армии работать. Это тоже был неплохой опыт, который мне не раз пригодился.

Часто бывают ситуации, когда надо поступить по зову сердца, даже если тебя все вокруг не одобряют. Вероятно, это и называется интуицией. Мне неоднократно пригодится это «шестое чувство», когда я буду заниматься бизнесом. Ведь бизнес – это игра на деньги с большими рисками. Но до бизнеса мне предстояло ещё дорасти. Пока меня ждал армейский опыт.

Голова помогает ногам

Начну с того, что в армию я пришёл, всё еще толком не зная иврита. Ведь ульпан я не окончил, а сварщику слишком много

болтать не приходится. И вот в части я с ужасом осознал, что не понимаю приказов – а как с таким воякой командир справятся? Боевые части армии были первым местом на моем жизненном пути, откуда выгнать меня не могли – Устав не позволял. Один из офицеров сказал нам, новобранцам: отсюда до срока выйдут только с дискетом во рту. Дискет, как известно, это пластинка с порядковым номером военнослужащего. В рот его кладут мертвому солдату, когда выносят тело с поля боя. Так что отцы-командиры избавиться от меня не могли, даже если б захотели. Они должны были научить меня всему, чему полагалось – не убивать же меня!

Иврит я хватал на лету. К счастью, плотная языковая среда и не таких, как я, выручает. Когда никто вокруг тебя ни слова на другом языке не молвит, поневоле научишься.

Вообще, армия сделала из меня совсем другого человека, без преувеличений. Именно там я услышал из уст командира примерно следующее: запомните, вы можете всё. Все возможности человека – у него в голове. Вскоре этот тезис был мной проверен на практике.

Нам предстоял марш-бросок на десять километров. На пять и на семь мы уже ходили, справились прекрасно. Я совершенно не волновался. И вот практически на старте, когда разогнались, я, не посмотревши под ноги, ухнул в яму с водой – тогда была дождливая зима, всё раскисло. Я ничего себе не повредил и даже выбрался сам, а идти дальше не могу, ноги не несут. Сам не понял, что это было – испугался, что ли. Пришлось моим товарищам весь путь тащить меня за собой за лямки боекомплекта – это было проще, чем открывать носилки. Помню два ощущения: внутри нестерпимый стыд, а над лицом - звезды в небе... Так и я, и мои сослуживцы примерили на себя один из непререкаемых законов службы в израильской армии: сколько человек вышло с базы, столько должно вернуться.

А через неделю надо отправляться в новый марш-бросок – уже на семнадцать километров. Я, признаться, после предыдущего раза довольно сильно трусил и даже хотел под надуманным предлогом остаться на базе. Но потом совесть взяла верх. При распределении дополнительных грузов сержант поручает мне (кроме боекомплекта, разумеется) нести десятилитровую канистру с водой – джерикан. Кто служил в израильской армии – знает. «Ну, всё, - подумал я -. Теперь моим сослуживцам при-

дется тащить не только меня, но и десять кило моего груза». И вот мы двинулись, а я всё боюсь, что вот-вот мне станет невмоготу. Идём-идём, а я всё боюсь. И настолько я сосредоточился на ожидании неприятностей, что и не заметил, как мы преодолели семнадцать километров!

Вот тут-то я понял, что действительно всё у нас в голове. Придумаешь себе, что ноги отказали – и не сможешь идти, даже если ноги в порядке. Придумаешь какой-то подстёгивающий страх – и на этом страхе дойдешь до цели и не заметишь!

После таких испытаний начинаешь по-другому относиться к жизни. Понимаешь, как надо жить, чтобы выжить. После того, как я три года провел в палатках, жил в пустыне, даже был старшиной целой тренировочной базы и целиком отвечал за её жизнеспособность, мне в мирной жизни многое далось легче, чем другим. Я всегда помнил, что бывало хуже.

В армии я осознал, что учиться необходимо, и это - огромное удовольствие. Научился отвечать за себя и за людей. Понял, что отлынивать от своего долга – непорядочно. Раньше я знал, что в жизни надо работать, но знал как-то со стороны, по опыту моих родных. Теперь это был мой собственный опыт: в израильской армии постоянно трудятся.

Эту навсегда поселившуюся во мне ответственность я понесу в мирную жизнь, в бизнес. Вместе с главными уроками армии. Первый: своих не бросают, сколько вышло с базы – столько должно вернуться. Второй: всё в голове, и тогда ничего невозможного нет.

Глава 2. Мой труд и моя удача

Сейчас вы решите, дорогой читатель, что я хвастаюсь. Рассказываю, какой я умный, смелый, ответственный и как я грудью защищал свою компанию. Но то, о чём я буду повествовать в этой главе, говорится не для хвастовства. Я создал своё дело и повёл его с успехом, и совершенно не вижу причин этого стесняться. На самом деле соображения пользы для страны должны были бы заставить израильские государственные структуры создать эффективные компании, подобные моей, ещё когда я под стол пешком ходил. Если бы госструктуры это умели, моей частной компании не было бы места в этой сфере. Но мы существовали, и существовали успешно! А таланты некоторых работников государственных учреждений, к моему разочарованию, заключались в том, чтобы эффективным компаниям мешать. Но обо всём по порядку.

«Хочу быть гендиректором!»

Я почему-то всегда знал, что буду руководителем. Меня вдохновлял пример ещё моего деда, начальника домостроительного комбината в Курске. Я бывал у него на работе и наблюдал, как он красиво руководит подчиненными. Мне казалось, что для него не существует неразрешимых ситуаций. Я смотрел на деда и понимал, что быть начальником – это ответственность, нервы, седые волосы. Даже странно, что многие люди, выбившись в начальники, думают, что их положение – это просто возможность командовать другими, обманывать людей и загребать себе все победы. О таких руководителях мы ещё поговорим.

В свою первую рекрутинговую компанию я попал, ещё когда служил в армии. Я был старшиной тренировочной базы. Служить мне оставалось меньше двух месяцев, и я мог выходить в увольнительные каждые выходные. Я пошел искать подработку по моей первой специальности – сварщика, а мне вдруг сказали: можешь работать у нас? Нам надо, чтоб кто-то людей развозил.

Вот это да! Попасть сразу в рекрутинговую компанию, да ещё машину дадут, какое везение!

Я попросил командира центральной базы, которому подчинялся: дай мне шанс. Свои служебные обязанности я буду исполнять в полной мере, но мне придется чаще покидать базу,

Кто «убил» «Статус», или Преступление без наказания

чем просто по выходным. Ведь в компании не будут ждать почти два месяца, пока я дослужу! Мой мудрый командир согласился пойти мне навстречу, за что ему большое спасибо – иначе я бы этой работы не получил.

Вскоре я всё время, которое мог, проводил в новой компании. Мои коллеги сообразили, что я своим местом дорожу, и стали поручать мне всё больше дел – подозреваю, что своих в том числе. Я крутился, как вентилятор. Вставал в пять утра, мотался между заводами, успевал по делам службы на военную базу, снова летел на работу: привозил списки вакансий, договаривался об условиях.

Скоро я демобилизовался, это было в январе, и собирался пойти учиться – учёба должна была начаться в сентябре. Этот свободный от других занятий период я плотно занял работой, со всеми завязывал знакомства, знал наперечёт друзей и конкурентов. Скоро моё имя стало известно в рекрутинговом бизнесе – и по причине моей кипучей энергии, и потому, что этот рынок в Израиле весьма тесен.

Учиться я пошёл по специальности «Управление и производство», специализация «Маркетинг», в колледж младших инженеров в городе Акко. Одновременно с учёбой я постоянно работал. Это позволяло мне не сидеть на шее у родителей, самому обеспечить себя всем, что необходимо молодому человеку в таком возрасте. Армейский опыт воспитания выносливости я перенёс в мирную жизнь – и навсегда привык к жёсткому ритму жизни, когда успеваешь много, а отдыхаешь мало.

Учился я с удовольствием, не то что когда-то в школе или в ульпане. Я поверил, наконец, что учёба – это полезный и интересный процесс. Некоторым везёт, они это понимают еще школьниками, но большинство – только к взрослому возрасту. Я из большинства.

В конце учёбы в колледже случился у меня сумасшедший роман, переросший в скоропалительный брак. Мы прожили с моей возлюбленной меньше двух месяцев и поняли, что погорячились. Это была ещё одна ступенька на пути взросления. Расставание с этой девушкой, несмотря на несерьёзные сроки нашей любви, выбило меня из колеи. У меня в семье никто никогда не разводился. Меня не осуждали, но всё равно было не по себе. Тяжело было сосредоточиться на учёбе, сдавать выпускные экзамены. Как раз одновременно с разводом я пытался

определился с трудоустройством: прошел два собеседования в компаниях, но настроиться на серьезную работу было сложно. Молодость и эмоции всё-таки брали своё: я страдал и сам не мог решить, чего хочу.

И вот из одной компании, где я проходил собеседование, позвонили.

- Вы устроили бы нас в качестве руководителя филиала.

- А разве я проходил интервью не на должность генерального директора? – спросил я, честно говоря, чтобы отвязаться.

- Но генеральный директор в компании есть. Это я, - ошарашенно ответили из трубки.

- Тогда мы друг друга неправильно поняли, - сказал я и попрощался, полностью уверенный, что слышу этого человека в последний раз.

Я, конечно, удивился, когда через три дня он снова позвонил мне. Наверное, сама судьба решила, что мы будем полезны друг другу. Зев был владельцем и гендиректором рекрутинговой компании. Он сообщил, что моя наглость его покорила, и он готов попробовать меня на любой должности, на какой я захочу. Наверное, я показался ему любопытным экземпляром – а вдруг выйдет толк. Теперь я испытываю к Зеву самую тёплую благодарность – если бы не он, я бы не приобрёл столь необходимую в любом бизнесе уверенность в себе. Именно уверенность, а не нахальство, которое я в тот момент еще продолжал демонстрировать. Заявившись на работу, я возмутился, что мне предоставят автомобиль самого простого класса. Гендиректор сказал, что он найдет для меня машину «директорского уровня», если я оправдаю надежды.

Затем мы стали договариваться об оплате труда. Я запросил минимальную зарплату и ещё один процент с дополнительного оборота, который я принесу. Вскоре пригодился армейский опыт ориентирования на местности, я составил толковый тендер для проекта по уборке зон отдыха на севере Израиля. Проект пошел хорошо, компания весьма прилично заработала.

- У меня ещё никто столько не получал, - сказал Зев, выдавая мне жалованье через четыре месяца. Один процент с оборота вылился в неплохие деньги.

Вскоре я ещё несколько раз продемонстрировал, что приношу компании реальную пользу. Можно было напомнить начальнику, что он обещал мне «директорский автомобиль».

- Свою тебе, что ли, отдать? У меня сейчас других машин хорошего класса нет! – пытался отбиться Зев.

- Не знаю. А только слово надо держать, - подначил я начальника.

Бывший офицер спецназа, да просто честный человек, шеф счёл мой аргумент неопровержимым. Он действительно дал слово, и это не было для него пустым звуком. Так я получил от моего руководителя не только почти новый джип, но и урок ответственности за свои слова. Зев меня многому научил, он ценил меня как сотрудника и хотел, чтоб я стал полноправным партнёром в компании. Но я уже нацеливался на новые горизонты.

Вообразите: мне двадцать три года, у меня превосходная репутация у моего уважаемого (без дураков!) начальника, настоящий крутой джип и куча самоуверенности. Как написал мой любимый Бабель про моего любимого героя Беню Крика: «Вы - тигр, вы - лев, вы - кошка. (...) Если бы к небу и к земле были приделаны кольца, вы схватили бы эти кольца и притянули бы небо к земле». Примерно так я себя и чувствовал.

Надеваю наручники

Человек осторожный и здравомыслящий так и держался бы старшего друга, стал бы партнёром, работал бы спокойно, в какой-то момент взял бы в свои руки основное руководство – всем ведь свойственно стареть, даже лучшим в мире старшим компаниям. Но я в очередной раз захотел оседлать судьбу.

Мой мудрый руководитель, услышав, что я всё-таки ухожу и собираюсь открыть своё дело, сказал мне: помни, своё дело – это наручники. Если оно идёт неплохо, это наручники из золота. Если плохо – обыкновенные наручники.

Я понимал, что Зев прав, но я почувствовал вкус денег, вкус самостоятельных решений. Действительно ощущал себя способным «притянуть небо к земле». И сказал шефу: хочу или всё своё, или ничего.

С Зевом мы еще потом встречались и сотрудничали. На заре моей «сольной карьеры» Зев выручил меня, тогда никому не известного «свежего» бизнесмена: предоставил своё страховое покрытие. А через год с небольшим уже он обратился ко мне с неожиданной просьбой. Зеву надо было ложиться на операцию, и не на кого было оставить компанию. Я тогда был уже его пря-

мым конкурентом, но не мог не согласиться. Управлял его фирмой полтора месяца (совмещая со своим делом, конечно), не переманил ни одного его клиента и, разумеется, не украл ни копейки. Бывший шеф хорошо заплатил мне за работу и был благодарен за помощь. Скажи кому – не поверят!

С высоты теперешнего опыта я вижу, что был тогда наивен. Я сам честно вёл бизнес и ждал этого от других. С Зевом мне колоссально повезло в начале моей карьеры, и я ещё некоторое время думал, что все ведут дела так, как мой бывший начальник. В дальнейшем жизнь меня пообломает, но это будет потом.

Мне очень хотелось самому организовать рекрутинговый бизнес, организовать особенно хорошо. Эта работа представлялась, и до сих пор представляется, мне очень важной. Израиль принимает тысячи репатриантов. Я сам был репатриантом. Я знаю: многие боятся перемен, чувствуют себя чужими в новой стране, страдают из-за утраченного статуса. Много раз во время работы в рекрутинговом бизнесе мне приходилось слышать слова вроде: эх, там я был заводделом универсама, а здесь я кто?

Можно, конечно, над такими людьми посмеиваться или осуждать их, но это, на мой взгляд, глупо. Если человек приехал в страну и желает быть полноправным членом общества, нужно предоставить ему такую возможность. Люди, подыскивающие возможности, зачастую должны поработать психологами: убедить новоиспечённых израильтян в том, что тезис «Здесь я никто» непродуктивен, что не надо опускать руки, что учиться и переучиваться не поздно ни в каком возрасте. От этого выигрывают люди и страна.

Со всеми этими прекрасными идеями в голове и с сотней шекелей уставного капитала я в 1998 году открываю свою фирму. Ещё во время работы с Зевом у меня был знакомый маклер в компании «Перфект». Вот в этом «Перфекте» я буквально снял угол, поставил стол и компьютер. Офисное крутящееся кресло в почти приличном состоянии было подобрано на помойке. Мой папа починил его и обтянул новой обивкой. Вот и всё богатство моего первого офиса. Назвался я «Перфект плюс» - по имени приютившей меня компании.

Несправедливо было бы сказать, что я был один-одинёшенек. У меня был партнёр – соученик по колледжу младших инженеров по имени Роберт. Первое время не было

вообще никакой машины – «директорский» джип с прошлой работы я отдал Зеву обратно, я же с ним больше не сотрудничал. Приходилось возить людей на рабочие места на общественном транспорте. Рынок вакансий мы выбрали не самый простой: рабочие специальности. Имея опыт работы сварщиком, я мог провести собеседование с теми, кто искал работу сварщика, а также слесаря, токаря, фрезеровщика. Люди рабочих специальностей шли к нам охотно, потому что не всякое рекрутинговое агентство в Израиле умело эффективно работать с этой категорией людей.

Примерно через полгода появилась возможность снять отдельное помещение, а не ютиться в «Перфекте» на птичьих правах. Я оказался перед выбором: квартира или офис. На то и другое денег бы не хватило. Надо ли говорить, что арендовал я, разумеется, офис в Хайфе. В нем я и жил следующие два года. Там на лоджии был раскладной диван, шкаф, в который я вешал пиджак и брюки, и гладильная доска. В душ я ходил в соседний фитнес-центр с бассейном – по абонементу. Мне, молодому и бессемейному, такой образ жизни был нипочём, даже было по-своему здорово. Можно было в шутку утешаться тем, что многие мечтают так жить: на работу не приезжать, а просто вставать с кровати.

Мы подыскивали работу людям с готовыми специальностями и находили возможность учить на курсах тех, кто хотел повысить квалификацию. Как раз тогда мы открыли в Хайфе первые наши курсы: сначала сварщиков, а затем операторов-наладчиков станков с программным управлением.

В 2003 году большая строительная компания не выплатила нам деньги за проделанную работу. С их стороны это была форменная афера, но пострадали мы. Дыра в финансах была существенной, «псу под хвост» пошла огромная работа, и положение нашей компании пошатнулось. Партнёр мой проявил качество характера, которое одни называли бы благоразумностью, другие – малодушием. Мне и сейчас трудно давать оценку его позиции. Одним словом, Роберт выступал за то, чтобы начинать процедуру банкротства.

Я с ним не согласился и пошёл своим путем, заявив: я буду биться до конца. Мы с ним по этому вопросу судились.

Я остался в офисе с одной-единственной секретаршей. Я продолжал вести дела по телефону, выполнять обязательства

Кто «убил» «Статус», или Преступление без наказания

по вакансиям и обучению – считал, что нельзя подводить людей по такой «смешной» причине, как ссора партнёров и финансовые дыры.

Товарищ мой наломал много дров. Он проиграл все суды и остался мне должен по суду довольно много денег. А я как раз в это время предпринял шаг колоссальной наглости. Словно вернулся тот самый я образца 1998 года: настолько в себя верил, что пошёл на это, нисколько не сомневаясь, что судьба меня опять вывезет. С высоты нынешнего опыта могу судить: шанс был один из тысячи. Или даже меньше.

Так вот: я продал всё, что мог продать. Взял денег у родителей. И на этот свой последний резерв снял офисы в Тель-Авиве и Ашдоде (что сразу повысило статусность) и закупил рекламу курсов по всей стране. Я мотался между тремя городами, как скаковая лошадь. Ухитрялся привлекать клиентов, получать с них деньги отсроченными платежами, оплачивать рекламу. И удержал «Перфект плюс» на плаву! Поневоле поверишь, что Б-г не оставляет таких наглых и уверенных, если только цель правильная. У меня уже была семья и вскоре родилась первая дочка, и никак нельзя было оставаться без заработка.

С Роберта я мог взыскать по суду долг, закон давал на это семь лет. Но у меня рука не поднималась. После того как мы перестали работать вместе, у него в жизни всё пошло наперекосяк, его постигли финансовые неприятности и другие беды. Я решил, что не буду отнимать молоко у его детей.

Я был в этот момент сильнее, и мне показалось, что силе присуща доброта, а не мстительность.

Всё-таки молодой я был и наивный, как я уже говорил. Но мне кажется, что такого рода наивность надо где-то в глубине души сохранять. Иначе человек, ответственный за какое-то дело, скатывается в цинизм. А это вредит делу, человеку и стране. Я ещё к этой мысли вернусь.

Появляется «Статус»

Перехожу к описанию самой плодотворной поры моей жизни. Я вложил в компанию деньги, душу, силы. Я был убеждён, что занимаюсь замечательным делом, занимаюсь им хорошо, со мной рядом единомышленники, и мы горы своротим.

Дела компании пошли совсем хорошо. Сейчас мои слова наиболее похожи на хвастовство, но не могу не сказать, что мы

Кто «убил» «Статус», или Преступление без наказания

превратились в одну из ведущих компаний в этой сфере деятельности в Израиле.

Мы осознавали необходимость обучения людей, первые курсы сварщиков заработали ещё до несостоявшегося банкротства 2003 года. Далее курсы по обучению сварщиков и техников по слаботочным системам, программистов и специалистов по логистике, контролёров качества и управляющих персоналом появлялись уже в составе нашей компании. Мы основали центр профессионального обучения «Статус Скул». Продолжало активно работать агентство по трудоустройству «Перфект Плюс». Вместе мы теперь назывались так: сеть центров переквалификации и трудоустройства «Статус Групп». Постоянно работало восемь филиалов от Кармиэля до Беэр-Шевы.

Да, похоже на рекламу.

Но хочу сказать, что «Статус Групп» - плод невероятного, самоотверженного труда. Моего и моих сотрудников. Работники «Статуса» забывали ради дела про сон, еду и семью. Компания устроила на работу и помогла определиться в жизни тысячам людей. Они выбирали специальность по нашей рекомендации, учились, а затем подавляющее большинство находили хорошее место – с нашей же помощью. Это редко удается компаниям, работающим в сфере переквалификации.

Мы на девяносто процентов работали с русскоязычной алией. Часто сталкивались и боролись с пресловутым настроением «Здесь я никто, я ничего не добьюсь». Нам случалось делать отличных программистов из бывших российских литераторов, учителей и артистов балета. Мы не только указывали людям путь, но и вели по этому пути за руку до победы.

Ценно то, что большинство новых клиентов «Статус Групп» - это люди, которых привели наши бывшие «воспитанники», те, кого мы учили и устраивали. Их друзья, знакомые, даже дети! За пятнадцать лет существования компании у кого-то и потомки подросли, им тоже понадобилось профессиональное обучение и трудоустройство. То есть наша отличная репутация в профессии подтверждалась самым нерушимым доводом – мнением народа. Это дорогого стоит.

И ещё. Готовясь биться за свой бизнес, когда такая необходимость возникла, мы посчитали: за пятнадцать лет существования мы принесли Государству Израиль не одну сотню миллионов шекелей. Один человек, который с нашей помощью стано-

Кто «убил» «Статус», или Преступление без наказания

вился не иммигрантом на пособии, а достойным гражданином, платящим налоги, сэкономил государству около восьми тысяч шекелей в месяц. Если сосчитать всех, кого мы выучили и устроили на работу, получится огромная сумма.

Так что когда я говорю, что «Статус Групп» была одной из лучших компаний в сфере профессионального обучения и трудоустройства в Израиле, я нисколько не кривлю душой. Самое удивительное, повторюсь, в том, что государство должно было бы своими силами наладить работу государственных проектов с такими же, как у нас, функциями. Тогда частникам вроде нас было бы негде развернуться.

Со временем нам станет ясно, что в госструктурах Израиля есть чиновники, для которых слова «интересы народа и государства» - пустой звук. Для этих выдающихся людей существуют совсем другие интересы.

Судьбе было угодно положить конец моей наивности и прекраснодушию. Я столкнулся с ситуацией, когда нужно было идти против совести и чести, а заодно и против закона. Или принести в жертву дело своей жизни, извините за пафос. Я не захотел участвовать в преступных схемах, которые мне попытались навязать определенные структуры. Точнее, определенные персоны, для которых свои интересы важнее интересов страны. Они оказались влиятельнее, чем честные люди.

«Статус» пал жертвой этой абсурдной ситуации.

Глава 3. Ваучер на расправу

Теперь, дорогой читатель, я перехожу к рассказу о событиях, в истинность которых верится с трудом. Вы будете постоянно восклицать: такого не может быть! Когда только начиналась эта поистине роковая для моего бизнеса история, я тоже говорил себе: такого не может быть. Не может быть, чтобы люди, на которых возложена ответственность за страну и народ, забывали об этой ответственности. Не может быть, чтобы те, чья работа – правильно организовывать нашу с вами жизнь, вместо этого разрабатывали незаконные схемы во имя собственных интересов. Во всяком случае – не в демократической стране Израиль, где много говорят о законе.

Вы скажете, я наивен. Я даже и спорить не буду. Знаю, прохвосты есть в государственных структурах любой страны. Нет идеальных государств и сидящих на облаке чиновников. Но все-таки я продолжал восклицать: такого не может быть! Потому что узнал и понял, насколько у нас эти персоны сильны и насколько их положение непоколебимо!

Есть ли в Государстве Израиль на таких людей управа? Или у нас властвует беспредел?

Чтобы ответить на этот вопрос, я и задумал эту книгу.

Дружеские сети

Многие знают, что почти любой репатриант, желающий найти хорошую работу в Израиле, предпочтёт повисить свою квалификацию или вообще сменить специальность. Потому что не всегда его образование соответствует рынку труда нашей страны. Один из способов обеспечить себе новое обучение – ваучер Министерства абсорбции. Это сертификат на определённую сумму денег. Не такую и маленькую – до десяти тысяч шекелей. В какую компанию, колледж или школу человек отнесёт эти деньги – это его личный выбор.

В предыдущей главе я рассказал, что моё детище – сеть центров трудоустройства и переквалификации «Статус Групп» весьма успешно справлялось с задачей подготовки людей к новой жизни. Не стану снова хвастаться. Для дальнейшего повествования важно, что мы очень и очень многих людей хорошо трудоустроивали. Сами мы учили претендента или человек приходил

Кто «убил» «Статус», или Преступление без наказания

с готовой профессией – чаще всего они находили прекрасную работу. Нас знали по всей стране.

Возможно, кто-то знает о государственном проекте в области занятости, который назывался «Ахвен». В переводе с иврита – «направление». Суть его была в том, что государство поручало выигравшему гостендер кругу частных компаний учить и трудоустраивать людей.

Компании в рамках этого проекта занимались профориентацией. Там не предполагалось переучивание, например, на рабочие специальности, серьёзной переквалификации. Предоставлялись курсы иврита, курсы менеджеров, «компьютер для начинающих». Психологи проекта широко консультировали людей по поводу профпригодности – может ли человек работать, например, программистом, подходит ли это ему, какая специальность ему больше подошла бы. То есть направляли человека в верную сторону – в соответствии с названием. От того, хорошо ли они людей направляли, зависел процент удачно трудоустроенных. Процент этот для проекта «Ахвен» был очень важен – сейчас станет ясно почему.

В один прекрасный день 2007 года в филиале «Статуса» в Ашдоде раздался телефонный звонок. Моя заместительница услышала в трубке примерно следующее:

- Здравствуйте. Меня зовут Айелет, я глава филиала проекта «Ахвен» в Ашдоде. Я наслышана о замечательной работе «Статус Групп». По моим сведениям, у вас поразительное количество людей устроены на хорошую работу. У меня к вам просьба. Не могли бы вы по-дружески предоставить проекту «Ахвен» данные репатриантов, которых вы трудоустроили, буквально несколько десятков?

- Но зачем?!

- Видите ли, вы ведь всё равно их уже трудоустроили. Ваш «Статус» получил за них гонорары от работодателей. А мы участвуем в государственном проекте, и нам за каждого трудоустроенного платит премии Министерство абсорбции...

Как можно было это понять? Если называть вещи своими именами, нам предлагали незаконно передать в «Ахвен» личные данные людей, за которые мы отвечали, чтобы присвоить государственные деньги. Так мы и поняли.

А надо заметить, что «Статус» имел лицензию Министерства труда как рекрутинговая организация и как обучающий центр.

Кто «убил» «Статус», или Преступление без наказания

Мы плотно работали с государственными структурами. У нас учились разные люди – репатрианты и не только. Репатрианты часто учились за ваучеры, и получение ваучера во многих случаях зависело от проекта «Ахвен»: желающий обучаться в нашем колледже получал подтверждение психолога проекта о том, что выбранная у нас специальность ему подходит.

Трудно представить изумление и возмущение моей заместительницы, а потом и моё.

В простых словах это можно выразить так: дайте нам личные данные ваших подопечных, и мы их выдадим за наших. И получим деньги за то, чего не делали.

Получается, нас приглашали содействовать присвоению государственных денег, то есть преступлению.

И кстати: чтобы этот подозрительный план осуществился, «Статус» должен был пойти на такую «детскую шалость», как несанкционированное разглашение и передача третьим лицам личных данных граждан. Личные данные, как известно, представляют собой тайну, и разглашение их является правонарушением. Министерство труда могло лишить нас гослицензии.

Моя перепуганная заместительница принялась мне названивать. Что это значит, и что делать? – спрашивала она. Тогда я в первый раз сказал: не может этого быть! И мне, к сожалению, придётся повторить эту банальную фразу ещё много раз. И спрашивать себя, как такое может быть в цивилизованной стране, где закон один для всех – во всяком случае, это громко провозглашается.

- Мы не будем иметь дело с подозрительными схемами, - сказал я своей заместительнице. – Есть ощущение, что план нацелен на то, чтобы воровать государственные деньги. Нас, кажется, хотят втянуть в преступление. Если они снова позвонят, скажи, что для нас это неприемлемо.

Наверное, я чем-то смахивал в тот момент на самого смелого супергероя вроде Зорро или Капитана Америки. Но я не покрасоваться хотел и не перевоспитать своим примером даму по имени Айелет. Я просто понимал, что если дам втянуть свою компанию в нечистоплотную схему, то серьёзно подставлюсь. У моего бизнеса будет криминальная история.

Между моей заместительницей и Айелет состоялся ещё один телефонный разговор.

- Мой шеф считает, что нашей компании участвовать в ва-

шем мероприятии не стоит, - сказала моя коллега.

- Может, ваш шеф просто не в курсе? Все ведь так делают, - отвечала представительница «Ахвен».

- Я получила от моего начальника распоряжение передать вам, что мы не будем делать как все!

- Ну что ж. Как хотите. Вы сами приняли это решение, - многозначительно ответила собеседница.

Многие согласятся, что в устах представителя государственного проекта такие слова обычно не значат ничего хорошего.

Вскоре нам предстояло понять, что у нас начинаются конкретные неприятности.

Банановым республикам до нас далеко!

Не может этого быть, - сказал я себе уже второй раз. Честно говоря, ситуация была такая абсурдная, что я даже не испугался. Представительница «Ахвен» просто забыла, что есть некие рамки – уговаривал я себя и своих коллег. Она почему-то считает, что вовлекать честных бизнесменов в сомнительные схемы очень просто. Достаточно намекнуть на всемогущие госструктуры, если надо – припугнуть. Наверное, с некоторыми представителями компаний эта тактика работает. Может, кто и струсил.

Но мы трусить не будем, рассуждал я. Не этому меня учили в армии Израиля, не этому я учился сам, преодолевая первые ступеньки в бизнесе. Что у нас тут, банановая республика какая-то? Мы в правовом государстве. Есть структуры, чья прямая задача – выводить на чистую воду таких чиновников.

«Статус» - добросовестная компания. У нас государственная лицензия официальной рекрутинговой организации и обучающего центра. На рынке работаем с прошлого века – с 1998 года. Наша репутация заработана честным трудом, без обмана. Что или кто может нам всерьез угрожать?

Наивность – так называю я сейчас тогдашнюю свою позицию. Жизнь очень быстро объяснила мне, что страна, в которую я приехал подростком, где я вырос и повзрослел, которую я любил – эта страна в некоторых отношениях даст любой банановой республике сто очков вперед. Грустно, но это так.

Скоро мы начали замечать, что у «Статуса» действительно начались какие-то новые и странные проблемы.

Например, через месяц после памятного разговора с госпожой Айелет намечалась традиционная ярмарка услуг по тру-

Кто «убил» «Статус», или Преступление без наказания

доустройству, которую периодически проводит Министерство абсорбции. Мы всегда в ней участвовали, а тут - отказ. В оргкомитете сказали, что рекрутинговые компании нынче к участию не приглашаются, только непосредственные работодатели. Странно, подумал я, как можно исключить из числа участников ярмарки трудоустройства тех, кто людей трудоустраивает? Тогда мы подали заявку как обучающая структура и даже как прямой работодатель: нам самим требовались работники – координаторы, преподаватели, инженеры. Оргкомитет ответил, что вообще участников слишком много и мест больше нет. Я с парой моих сотрудников пошел туда просто как гость – прийти посмотреть никому не запрещается. Каково же было наше удивление, когда мы увидели, что подавляющее большинство участников ярмарки – рекрутинговые компании. Да и места полно. Все желающие заявили и всю рекламу сделали себя, а нас, получается, отсекали намеренно! Подчеркну, что это был большой удар по рентабельности «Статуса» и нашему престижу – участие в этой ярмарке, можно сказать, обязательно для солидных компаний. Не говоря уж о том, что все посетители ярмарки были нашими потенциальными клиентами.

С этого момента мы попадали в положение недобросовестной конкуренции.

«Палки в колеса» нашего бизнеса только начинались.

Репатриант ведь идет получать ваучер на обучение в Министерство абсорбции. Он сам будет решать, как уже говорилось, в какую организацию он отнесет эти деньги. Но для тех, кто недавно приехал и еще не сориентировался в новой реальности, есть возможность получить консультацию.

В то время проект «Ахвен», о котором я рассказал, как раз был в самом расцвете. Именно к сотрудникам «Ахвен» обращались люди, недавно приехавшие в страну и решавшие, где бы им поучиться и устроиться на работу. Проект - государственный, репатрианты ему доверяют, часто поступают именно так, как им посоветует координатор проекта. И вот нам рассказали, что сотрудники «Ахвен», отвечая на вопросы вновь приехавших, частенько поминают недобрым словом наш «Статус» и рекомендуют репатриантам обращаться с целью учёбы или трудоустройства в любые другие компании – только не к нам.

Надо понимать, что это нарушение закона. Психологи госпроекта рекомендовать или не рекомендовать конкретные ком-

пани вообще не имеют права. Они могут только посоветовать человеку, подходит ему та или иная профессия или нет. А координаторы «Ахвен» пытались отговорить от сотрудничества со «Статусом» даже тех, кто уже пришел к нам и был нами же направлен на консультацию к их психологу по профориентации. Против нас шла настоящая диверсионная работа!

Мы поняли, что государственная структура целенаправленно борется с отдельно взятой частной компанией. И это явно связано с моим отказом участвовать в подозрительной схеме, которую предлагала представительница «Ахвен»!

Я еще тогда не осознал, насколько все запущено. Найдем управу, думал я. Проект министерский? Министерский. Кто в Министерстве абсорбции занимается проблемами занятости населения? Департамент трудоустройства. У него есть руководительница – Клавдия Кац. Её непосредственная обязанность – разобраться, почему это сотрудники проекта, придуманного её ведомством, порочат честное имя одной из лучших рекрутинговых и обучающих компаний страны.

У меня в офисе проходило совещание по поводу сотрудничества «Статуса» с Министерством абсорбции и организацией Сохнут. Об этом проекте я еще расскажу. На совещании присутствовала и глава департамента трудоустройства Министерства абсорбции Клавдия Кац. Когда основные вопросы обсудили, я попросил госпожу Кац выслушать меня один на один и поведал свою беду. Пожаловался, что «Статусу» было отказано в участии в важной ярмарке услуг в области занятости, причём нас не допустили к участию явно обманом. Рассказал, что сотрудники проекта «Ахвен» в нарушение закона агитируют репатриантов против «Статуса». Сообщил, что «Ахвен» открыл у себя курсы программистов, хотя они в рамках этого проекта не положены, и направляет людей на учёбу к самому себе, то есть нарушает правила проекта.

Да, это не дело, сказала госпожа Кац. Напишите обо всём этом официальное письмо в мой департамент, я разберусь.

Мы сочинили бумагу со всеми подробностями, именами, данными документов. Отослали в департамент трудоустройства. Мы ещё не поняли тогда, что собираемся жаловаться правой руке на левую.

Более полугода нам явно морочат голову. В департаменте отвечают на телефонные звонки и бодро рапортуют, что наша

проблема у них на контроле, но очень, очень много дел. Имейте, мол, терпение, разберемся.

Тем временем проблемы распространились на филиалы «Статуса» по всей стране. Репатриантам уже непосредственно в Министерстве абсорбции государственные чиновники рассказывали, что с нашей компанией дела иметь «они бы не советовали».

Не то чтобы наш бизнес весь посыпался и к нам совсем никто не шёл – народная молва, создававшая репутацию компании лучше любой официальной рекламы, приносила нам некое стабильное количество обучающихся.

Но «Статус» всё равно оказывался в ситуации недобросовестной конкуренции, умышленно созданной чиновниками департамента трудоустройства. На нас, по сути, клеветали: намекали людям, совершенно не знакомым с положением дел на новой родине, что с нами дела иметь не стоит.

Поставьте себя на место только что прибывшего в страну иммигранта: ничего не понятно, кто есть кто – неизвестно, кому доверять – а Б-г его знает! Да многие просто вспомнят, как сами себя чувствовали сразу после приезда – примерно, как только что на свет народившиеся котята. И вот сидит перед таким репатриантом солидный и красивый представитель государства (министерского проекта или прямо самого министерства) и говорит примерно так: не волнуйтесь, государство вас не бросит, есть возможность подучиться, есть система ваучеров, есть наши курсы – иврита, например, или «компьютер для начинающих». Хотите другие курсы? Ну, не знаю. Вы имеете право прийти с ваучером не только на наши курсы. Есть вот только одно место, в которое я бы вам не советовал обращаться. Вам решать, но я вас предупредил.

Что делает репатриант? Поступает так, как ему посоветовал представитель государственного проекта. Потом он понимает, что ваучерные деньги истрачены на чепуху, специальности хорошей у него как не было, так и нет, куда пойти работать – непонятно. От знакомых или из форума репатриант узнаёт, что есть обучающие и рекрутинговые компании, узнаёт про «Статус» и не только. Вот только идти учиться нормальной профессии и трудоустраиваться придётся за свои деньги. Ваучер-то истрачен. Вот таких людей мы лишались благодаря настоящей подрывной деятельности, которую против нас вело министерство!

Месяцев через шесть Клавдия Кац прислала мне официальный ответ, в котором сообщалось, что по указанным мной фактам проведена проверка и нарушений не обнаружено. Это и дало мне повод заподозрить, что я действительно жалуюсь правой руке на левую, и рука руку моет: в департаменте трудоустройства наверняка в курсе того, что сотрудники проекта «Ахвен» делают людям сомнительные предложения и дают советы подозрительного свойства, и никому не интересно, чтобы правда выплыла наружу. Нарушались законы, нарушался Устав министерства. Департамент трудоустройства напоминал не государственную структуру, подчиняющуюся закону, а частную лавочку, в которой всё решает хозяин.

Следующий официальный запрос я послал на имя заместителя генерального директора Министерства абсорбции. Он вызвал госпожу Кац и меня. Я выступил довольно жестко: сказал, что моей компании мешают работать, глава департамента трудоустройства делает вид, что я всё выдумываю, а началом истории послужил разговор с представителем проекта «Ахвен» в 2007 году.

Вскоре после встречи у заместителя гендиректора произошла очень показательная история. Представительство Министерства абсорбции в Ашдоде пригласило на беседу участников того памятного разговора: госпожу Айелет, представлявшую проект «Ахвен», и мою заместительницу. Мы воодушевились: получалось что-то вроде очной ставки, сейчас сотрудник министерства наконец вникнет в суть происходящего. По Уставу Министерства абсорбции тот случай требовал серьезного разбирательства целой комиссии.

Но нам опять предстояло изумляться и восклицать: не может этого быть! Вместо расследования представительница министерства предложила моей заместительнице всё забыть и решить дело мировым соглашением. То есть тихо замять неловкую историю, в которой участвовало Министерство абсорбции! Словно мы не в государственном ведомстве, а на базаре!

Мы не могли пойти на это, как бы нам ни хотелось мира и спокойствия. Такое соглашение означало бы для нас необходимость и дальше играть по правилам базара. Получалось бы, что мы признаём за министерством право вести нечистую игру и притеснять несогласных. А я считал, что необходимо справедливое расследование, чтобы не превращать правовое государ-

ство в базар.

К вопросу о чистой и нечистой игре могу изложить факт, который о многом говорит. Несколько лет спустя я увидел в прессе сообщение о том, что Клавдия Кац по итогам года награждает Айелет как лучшего работника «Ахвен» в области трудоустройства – то есть как сотрудницу, которая содействовала устройству на работу максимального во всём проекте количества репатриантов. О методах Айелет по достижению таких результатов вы уже прочитали. Во что это обошлось государству – должны проверить госконтролёр и полиция.

О богах и смертных

В 2008 году прошли выборы, и министр абсорбции сменился. На пост заступил Эли Афлало. Это оказался настоящий профессионал и достойный человек. Он нашел возможность разобраться в нашем деле лично. Я в его приемную, конечно же, послал письмо с просьбой помочь нам. Даже без особой надежды – просто потому, что если есть возможность что-то сделать в свою защиту, то лучше сделать. К моему немалому удивлению, через неделю министр сам приехал в наш колледж, чтобы проверить, как у нас организовано обучение. Он сказал, что не видит у нас никаких нарушений и не понимает, какие к нам могут быть претензии.

После визита Афлало давление на нас прекратилось. Полгода мы работали нормально. Я благодарен этому человеку за передышку. Наверное, он смог призвать к порядку работников вроде Клавдии Кац.

В 2009 году снова прошли выборы, и министром абсорбции стала Софа Ландвер. Не хочу и не могу утверждать, что с её личностью связаны новые проблемы моего бизнеса, но проблемы эти с её назначением на пост министра возобновились и даже существенно увеличились. Может, это совпадение? Или я опять наивен?

К тому времени мне уже было известно, что я не один такой. Незаконные и полузаконные схемы деятельности в некоторых госструктурах Израиля – в порядке вещей. В эти схемы втягивают честных бизнесменов. Многие предприниматели рассуждают так: что я могу поделаться, они – государство, против лома нет приёма, надо соглашаться. Таких упрямых, как я, наверное, немало. Мне известны случаи, когда бизнесменов, участвовавших

Кто «убил» «Статус», или Преступление без наказания

в сомнительных предприятиях вроде того, что предлагал моей компании «Ахвен», потом подставляли и подводили под уголовные дела.

Ничего удивительного. Если кто не знает, государственный чиновник в Израиле – это что-то вроде божества. Он недостижим. Человек попадает в госструктуру, выслуживает в ней не так много лет, четыре-пять года, а потом получает статус, похожий на неприкосновенность депутата парламента. В переводе с иврита – «постоянство». Его нельзя уволить. Его покрывает его ведомство. Даже в суд подать на отдельного чиновника нельзя, только - на министерство. А такая система предполагает, что виноватых не сыщешь. Вспоминается еще одна реприза в исполнении Райкина: «Кто шил этот костюм? – Мы!» И никого нельзя наказать за то, что костюм кривой.

Но тогда, в 2009 году, я еще думал, что это не система порочна, а отдельные ее представители забыли о своем долге. Софа Ландвер стала новым министром – надо обратиться и к ней. Я даже несколько раз беседовал с ней лично, показывал документы о недобросовестной деятельности департамента трудоустройства. У меня на руках были доказательства того, что департамент позволяет себе неэтично составлять государственные тендеры, влиять на результаты этих тендеров, подделывать документы и протоколы заседаний. Госпожа Ландвер меня выслушивала и отвечала: да, в этом надо разобраться, как следует. Я разберусь, говорила она. И всякий раз после очередного обращения к ней я узнавал о новых неприятностях, которые устраивали моей компании нечестные чиновники.

Я чувствовал, что они припёрли меня к стенке. Временами мне казалось, что бороться уже нет смысла.

Всё же я пробовал все варианты, которые подворачивались. Я еще не один раз упомяну, как обращался, лично и письменно, в разные инстанции. На каком-то этапе я попросил о помощи депутатов Кнессета. Были и такие случаи: на меня выходили высокопоставленные представители политических кругов, последние люди в мэриях городов. Они обещали помочь мне в моей беде, ссылаясь на своё политическое влияние. В результате они использовали мою ситуацию в своих целях и обещанной помощи не оказали.

Случилось так, что я оказался на праздничном приёме в партии «Наш дом – Израиль»; была там и Софа Ландвер. Я сказал

ей с глазу на глаз примерно следующее: несколько лет у моего бизнеса проблемы, и несколько лет я прошу в них разобраться. Я не прошу себе особенных условий или какой-то протекции; я хочу просто работать наравне с другими компаниями. С нами борются незаконными методами, и я считаю, что этих борющихся надо вывести на чистую воду. Вы как министр должны были сдвинуть мою ситуацию с мёртвой точки, иначе вы не в состоянии управлять министерством или вы в доле с теми, кто применяет незаконные методы борьбы с честным бизнесом.

Это было слишком, согласен. Я, простой смертный, позволил себе откровенно и резко говорить с богиней из министерства. Видимо, этими словами я навлек на себя еще несколько весьма болезненных ударов со стороны государственной структуры. Но я потерял к тому моменту всякую веру в справедливое разбирательство. Этой резкостью я хотел хоть как-нибудь раскатать ситуацию. Скоро я расскажу, что из этого вышло.

Все-таки я попробовал еще обратиться к государственному контролёру и даже в полицию. В приёмной госконтролёра в течение нескольких лет я получал ответ: очень много дел, до вашего запроса еще не добрались. В полиции дело тоже не двигалось с места, и я не мог понять, по какой причине.

Было ощущение, что я бьюсь всем телом в кирпичную стену. Что я и вправду нахожусь в банановой республике, в которой ещё и бананы все заперты под замок и торговать ими разрешает только госчиновник.

Кому выгодно?

Еще в I веке нашей эры знаменитый древнеримский юрист Кассиан Равилла сформулировал главный вопрос судебного разбирательства: *Cui prodest?* – Кому выгодно? Вопрос весьма мудрый и подходит не только для суда. В любом запутанном деле умный человек сразу спросит себя: кому это выгодно?

Я тоже задал себе этот вопрос. И сформулировал неутешительный ответ.

Ясно, что незаконные методы выгодны тем, кому они приносят доход. Никто не будет нарушать закон и рисковать, если это невыгодно.

В нашем случае сомнительные схемы, те, о которых мне стало известно, приносили доход тем, кто их создавал, и тем, кто их покрывал. Проблемы при этом возникали у тех, кто не хотел в

этих схемах участвовать. Чиновники, поставленные на свои посты, чтобы защищать интересы народа, защищали какие-то не вполне понятные интересы. Есть подозрение, что просто свои личные. Другого объяснения я пока не нашёл.

Мы всё больше и больше убеждались, что закон в Израиле, оказывается, действует не для всех и не во всех случаях. А люди и компании, которые честно работают на благо страны, целиком зависят от влиятельных чиновников. Ситуация выглядела так: если ты слушаешься Министерства, твои дела идут нормально. И то до поры до времени: я уже упоминал, что до меня доходили сведения о некоторых участниках сомнительных схем, представших перед судом. А уж если ты Министерства не послушался, давление на твой бизнес будет весьма ощутимым. В создании невыносимых условий для тебя будут участвовать не только чиновники, но и люди, желающие перед ними выслужиться.

Моя вера в то, что можно добиться правды и законности, заставила меня ещё ряд лет бороться. Ходить на работу, делать дела, требовать на каждом углу честного разбирательства. Жить и выживать в условиях нечестной конкуренции, которую очень искусно моделировал департамент трудоустройства.

Наивностью назвал я в предыдущих строках свою убежденность в том, что справедливость существует и закон работает. Можно и так назвать, а только честный человек назовет это, скорее, совестью.

Я и сейчас думаю, что всё ещё есть смысл бороться. Меня закалила моя молодость, я не привык сдаваться и не сдаюсь до сих пор.

Думаю, что умные и опытные функционеры Софа Ландвер и Клавдия Кац отчетливо представляют себе ситуацию с министерским беспределом. Они должны это пресечь, но не пресекают! Вместо этого они борются с теми, кто хочет работать честно. Может быть, и здесь стоит задать вопрос: кому выгодно?

Я могу откровенно и в подробностях рассказать только о том, как боролись со мной и моей компанией. Искать другие примеры – дело не моё, а полиции, госконтролёра, суда.

Чтобы не быть голословным, я поведаю в следующих главах несколько историй про то, как расправлялись с моим бизнесом. Реальных историй с уголовной подоплёкой, с конкретными действующими лицами. Вообще, историй было столько, что хватило

бы на многотомник размером с полное собрание сочинений Ленина.

Но я задумал книгу не для того, чтобы утомлять вас нудными, многочисленными подробностями моей борьбы. Я хочу, чтобы на эту ситуацию, наконец, обратили внимание официальные структуры Израиля, чья прямая обязанность – восстанавливать нарушенную справедливость и законность. Потому что в нашем демократическом и цивилизованном государстве происходит полный беспредел!

Либо полиция, прокуратура, госконтролёр должны разобраться в этой проблеме и дать ей правовую оценку, либо пусть органы правопорядка так прямо и заявят: это у нас теперь такие правила работы государственных структур, такие нормы в нашем государстве и обществе. Тогда люди, которые хотят честно работать, будут предупреждены о том, что надо играть по этим новым правилам. И не попадутся в ловушку, как я. Потому что если государственная структура управляется, как частная лавочка, тут уж не приходится восклицать: этого не может быть! В таких обстоятельствах всё может быть, удивляться нечему.

Надо не удивляться, а смириться.

Или нет?

Глава 4. Драма в пяти картинах

Сложно поверить, что в нашем цивилизованном государстве творится беззаконие и безобразие, если этот тезис не подтверждается подлинными историями.

Я и до сих пор в своём повествовании не ограничивался общими рассуждениями и всё время приводил факты. Теперь мне хочется познакомить вас, дорогие читатели, с несколькими конкретными случаями беспредела в отношении моей компании.

Переверните страницу – и вы найдёте за ней пять красноречивых историй. Они служат яркими иллюстрациями тому, как некоторые высокопоставленные государственные персоны подчинили законы Государства Израиль своим интересам.

Во всех этих историях есть подлинные действующие лица, с именами и должностями. Самое интересное, что большая часть этих людей до сих пор занимает руководящие должности – те же самые, что и тогда, когда разворачивалась история борьбы с моей компанией.

Эти люди крепко держатся за свои весьма хлебные места!

Как и во всей остальной книжке, в этих рассказах нет ни капли вымысла.

Я уже говорил, что эти эпизоды – лишь малая часть того беспредела, с которым мне пришлось столкнуться. Эти истории наиболее точно описывают (как пьеса в нескольких картинах), как именно недобросовестные чиновники поэтапно убили мой бизнес ради своих интересов.

Предлагаю вам, дорогие читатели, сравнить действия этих персон с законами, по которым должны жить люди. Сопоставлять истории с административным и уголовным законодательством – дело не моё, а полиции и прокуратуры. Мне кажется уместным вспомнить здесь законы, появившиеся в глубокой древности и изложенные в Священном Писании.

Религиозность тут ни при чём. Заповеди – это свод древних мудрых правил, помогавших нашим предкам жить по справедливости. Никто не станет спорить, что они актуальны до сих пор.

Читайте – и сравнивайте.

Картина первая. Деньги или репутация?

Как туземец среди вас да будет у вас пришелец, проживающий у вас;
люби его, как самого себя.
Вайукра (Левит) 19:34

Евреям, как мы все знаем, свойственно волноваться даже там, где волноваться не о чем. А переезд на постоянное место жительства в другую страну – всегда существенный стресс для любого человека, даже представителя самого невозможного народа.

Поэтому организация Сохнут весьма полезна для евреев, решивших воссоединиться со своим народом по заветам Теодора Герцля. Задача Сохнута – убедить человека в том, что ехать нестрашно, что репатрианта встретят и обогреют, что древний закон гостеприимства всё ещё жив на Святой земле. Как только иммигрант пересекает границу Государства Израиль, он попадает под опеку Министерства абсорбции. Сохнут может и дальше им заниматься, но должен соотносить свои усилия с министерством.

Наш новый знакомый Меер Лопатинский был в Сохнуте координатором нескольких проектов – в том числе проекта «Алия 2000». Он был хороший человек и работал не за страх, а за совесть. Его действительно волновала судьба людей, решивших вернуться на историческую родину в Израиль.

Проект «Алия 2000» заключался в том, чтобы репатриантов звать в страну не просто на пустое место, а с перспективой получения специальности и очень быстрого трудоустройства. Для этого Сохнут, как обычно, скоординировался с Министерством абсорбции, а потом и пригласил к сотрудничеству наш «Статус». Мы должны были ездить по городам России, Украины, общаться с желающими переехать в Израиль и отбирать из их числа людей для обучения нашим специальностям. Как профессионалы в области рекрутинга мы должны были заинтересовать людей тем, что на новой родине у них будут понятные перспективы применения своих сил.

Причем с ними вместе приедут семьи, и у них тоже сразу будет какое-то понимание будущего. Эти новые репатрианты должны были, по идее, в короткие сроки становиться достойными гражданами Израиля, которые работают на квалифициро-

ванной работе, платят налоги и не требуют пособий. В отличие от довольно большого количества вновь прибывших, вынужденных (а иногда и предпочитающих) месяцами бить баклуши и, не торопясь, искать занятие по душе и по деньгам.

Честно говоря, я очень воодушевился. Для нас это был проект, которому лучше всего подходит современное слово «крутой». «Статус» участвовал бы, как равноправный партнер, в проекте Сохнута и Министерства абсорбции. Для нашего престижа, репутации и рентабельности это был бы большой плюс. Да и сама идея была весьма полезной и, если хотите, человеколюбивой. Мы должны были принести огромную пользу Израилю и израильтянам. Всё это выглядело здорово. О том, сколько я на этом заработаю, я – вот честное слово! – думал отнюдь не в первую очередь.

«Статус» к этому моменту уже был успешен и широко известен. Мы выполняли нужную и востребованную работу по обучению и трудоустройству людей, в основном приехавших из бывших стран СНГ. Нам было весьма интересно участвовать в проекте, который сулил не столько большую прибыль, сколько социальную пользу и репутационные бонусы.

Обсудить подробно проект «Алия 2000» ответственные лица собрались в моем офисе. Министерство абсорбции представляла в числе прочих глава департамента трудоустройства Клавдия Кац. На этом-то совещании я ей впервые и сообщил, что у моего бизнеса проблемы, как-то связанные с проектом «Ахвен». Но это была не главная цель встречи, разумеется – мы должны были принять основные решения по проекту «Алия 2000».

Представитель Сохнута Меер Лопатинский сообщил, что для начала планируется вывезти пятьдесят семей для обучения в колледжах «Статуса» и трудоустройства силами «Статуса». От представителей Министерства абсорбции мы узнали, что основной источник финансирования «Алии 2000» - пресловутые ваучеры министерства. Мы же брали на себя обязательство подготовить почву для начала проекта. Работники моей компании к этому времени уже съездили в некоторые российские и украинские города вместе с представителями Сохнута, нашли в них потенциальных участников нашего замечательного мероприятия. На базе наших филиалов были созданы штабы, которые консультировали по скайпу всех желающих. Всё это финансировал я сам, не требуя пока никаких денег от министерства.

Кто «убил» «Статус», или Преступление без наказания

- А почему в качестве обучающей и рекрутинговой организации в проекте «Алия 2000» рассматривается только «Статус Груп»? – вдруг задала вопрос госпожа Кац.

- По нашим сведениям, у «Статуса» много репатриантов выучились и устроились на работу весьма успешно, - сказал Меер. – Нам кажется, что сотрудничество с этой компанией будет надежным и успешным.

Совещание тогда закончилось вроде бы общим согласием, но вскоре стало ясно, что наше участие в проекте устраивает не всех. Глава департамента трудоустройства прислала нам официальное письмо, в котором сообщала, что принимать решение о составе участников проекта надо коллегиально. В стране много колледжей и рекрутинговых агентств, и решать вопрос об участии в проекте «Статуса» или другой компании должна авторитетная комиссия.

Долго ли, коротко ли – комиссия собралась. В нее вошли достойные люди, ни к кому из них вопросов не было и нет. Союз промышленников представляла госпожа Тали Лутани; Министерство труда – господин Моти Маркович, главный специалист в этом министерстве по обучению программистов-наладчиков станков с числовым программным управлением; от Сохнута в комиссию вошел Меер Лопатинский, от Министерства абсорбции – госпожа Клавдия Кац. Ну и я со своим заместителем.

Конечно, не все однозначно согласились с мнением, что «Статус Груп» - лучший вариант рекрутинговой компании для участия в «Алии 2000». Для того и собиралась комиссия, чтобы обсудить разные мнения. Господин Маркович выразил опасение, что мы недостаточно хорошо готовим специалистов по станкам с ЧПУ. Маловато часов обучения у вас, сказал он, вот на курсах от Минтруда мы таких же наладчиков почти втрое дольше учим. На это я отвечал, что у нас высокий процент трудоустройства, значит, мы обеспечиваем качество обучения, подходящее для современного производства.

Далее по плану у комиссии был визит на предприятие, где широко применяется труд операторов-наладчиков станков с числовым программным управлением. Всем составом они двинулись на металлообрабатывающий завод «Гамлет», чтобы узнать у профессионалов, есть ли у них потребность в дополнительных кадрах и хорошо ли эти кадры учит «Статус». Надо сказать, что на «Гамлете» работало как раз очень много наших вы-

пускников. Директор по производству сказал, что предприятие работает со «Статусом» долго и плодотворно и к качеству его курсов претензий не имеет.

- А вот аналогичные курсы от Министерства труда разве хуже? – спросили директора.

- Если бы Минтруда могло предоставить тот объём и качество работников, который предоставляет «Статус», разве мы стали бы «Статусу» платить за его выпускников?

Это был веский довод.

Далее директору по производству завода «Гамлет» вкратце описали проект «Алия 2000» и спросили, возьмет ли он на работу новых репатриантов в рамках такого проекта.

- Если их будет учить «Статус» - возьму, - сказал заводской начальник. – Человек сорок мне как раз надо бы...

Комиссии возразить было больше нечего. Нашу компанию утвердили в качестве участника проекта. Соглашение было подписано, что автоматически, по идее, означало выделение денег Министерства абсорбции. Это обычная практика: государственный проект не подписывают, если деньги под него не выделены.

Несколько месяцев мы ездим в Россию и Украину, «смаили» на проект двадцать девять семей. Эти люди уже сидят на чемоданах.

И тут звонят из департамента трудоустройства. Госпожа Клавдия Кац извещает нас, что в Министерстве абсорбции внезапно кончились деньги. Поэтому она, госпожа Кац, с печалью и прискорбием приостанавливает вообще весь проект с ваучерами, а значит, автоматически приостанавливается запись новых участников на «Алию 2000». Очень жаль. Я поинтересовался: а не будет ли от вас об этом официального письма? Нет, зачем - был ответ. Достаточно того, что я вам об этом говорю.

В результате министерско-сохнутровский проект превращался в абсолютно убыточный. Потому что рентабельным любой проект становится, только начиная с какого-то участника, отнюдь не с первого. В нашем случае – примерно с сорокового. А мы привлекли пока только двадцать девять. Получалось, что «Статус» участвует в мероприятии действительно чисто для престижа. Мы не только не зарабатываем, но и сильно поиздержимся.

У меня родилось подозрение, что глава департамента превысила свои полномочия. Потому что, повторюсь, госпроект не начинается, если средства на него не предусмотрены в полном

Кто «убил» «Статус», или Преступление без наказания

объеме. Деньги на ваучеры, по идее, не могли взять и «вдруг кончиться» для отдельно взятого проекта. Как в старом еврейском анекдоте: «Везде была суббота, а вокруг меня четверг!»

Что же, подумал я, госпожа Кац хочет расторгнуть соглашение, руководствуясь какими-то своими целями? Это было бы незаконное использование полномочий главы департамента. При этом, напомним, она отказала нам даже в официальном письменном извещении. Что, во всём департаменте ни одного свободного клерка не нашлось бумажку составить? Или это они специально, чтобы было легче замести следы?

Но у нас-то работа идет! Почти три десятка семей вовлечены в проект «Алия 2000», часть семей уже на тот момент приехала в страну! То есть эти люди ждут от нас расселения в общежитие, быстрого начала обучения, качественного трудоустройства. И выполнения обязательств перед ними никто не отменял – слова Клавдии Кац означали только, что не будет новых участников, а значит, у нас не только не будет прибыли, но мы безвозвратно потеряем немаленькие денежки. Глава департамента трудоустройства, похоже, хорошо знала, на каком этапе повернуть весь проект в сторону убыточности.

Я позвонил госпоже Кац.

- Как же так? Ведь министерство должно было сначала выделить деньги, а потом начинать проект!

- Министерство никому ничего не должно, - услышал я потрясающий ответ.

- Но вы же понимаете, что рентабельность проекта начинается с определенного количества участников! – воскликнул я. – Если мы будем работать дальше с тем количеством, которое вы нам оставляете, то компания уйдет в минус и получит большой ущерб!

- А вы не работайте, - посоветовала госпожа Кац. – Откажитесь прямо сейчас. Зачем вам терять столько денег? Мы найдем, кому эта задача будет по силам.

Так вот оно что! Неужели вся эта авантюра с «внезапно закончившимися» финансами министерства затеяна для того, чтобы исключить из проекта «Статус»?

По времени эти события примерно совпадали с моим обращением в приемную Клавдии Кац по поводу наших неприятностей с проектом «Ахвен». У нас и так с работой были проблемы, а тут еще появилась несимпатичная перспектива подвести два-

дцать девять репатриантов с их семьями – после того, как мы им наобещали золотые горы от имени Сохнута, Министерства абсорбции и своего собственного! Ведь если бы «Статус» «соскочил» с проекта, кто бы обеспечил этим людям переквалификацию и трудоустройство?

Я и моя компания оказались в ситуации, которая в шахматах называется «цугцванг». Это положение игрока, при котором любой сделанный ход принесёт только вред. Игрок вынужден выбирать между вредом побольше и поменьше – ведь пропустить ход в шахматах нельзя. Вот и мне пропускать ход было нельзя. Клавдия Кац создала для меня ситуацию, когда я терял либо деньги, либо доброе имя.

Ведь бросить проект означало бы для «Статуса» репутационную гибель. Нас уважал Сохнут, нас знали работодатели по всей стране. Если бы мы последовали совету Клавдии Кац, с нами никто не стал бы иметь дела уже никогда. В Израиле все друг друга знают.

Не исключено, что на «Статус» легла бы основная вина за срыв проекта. У нас не было даже письменного подтверждения того, что средства от ваучеров нам больше «не светят». Госпожа Кац ведь не захотела прислать нам письмо. Она еще не раз продемонстрирует свои выдающиеся качества, которые заставляют подозревать, что именно ей были выгодны эти козни.

Очевидно, что почти три десятка семей в России и Украине, поверивших в проект «Алия 2000», поверивших слову Сохнута, Министерства абсорбции и «Статуса», совершенно не волновали Клавдию Кац. Для нее они были разменной монетой, а последовала она собственные цели. Какие – на этот вопрос она, по моему убеждению, должна ответить полиции и госконтролёру.

А что касается продолжения проекта «Алия 2000» без «Статуса», то я вижу только два варианта. Первый: эти репатрианты, двадцать девять семей, приехали бы в никуда, их бы просто обманули, и правды от Министерства абсорбции они бы не добились. Второй: вместо неугодного госпоже Кац «Статуса» была бы приглашена другая компания, посговорчивее, и для нее волшебным образом нашлись бы ваучеры, и проект был бы продолжен. Так мне подсказывает профессионализм и здравый смысл. Чудес не бывает, и бесплатно, а тем более в убыток, никто не работает.

Я принял решение завершить дело с теми двадцатью семью семьями, которым уже было обещано наше содействие. Потом мои бухгалтеры подсчитали, что я понес убытков на проекте «Алия 2000» на сумму около 250 тысяч шекелей. Но семьи мы привезли, разместили в общежитии, этих двадцать девять человек приняли на учёбу, дали им специальность, а потом и работу. В положении «цугцванг» мы выбрали меньшее зло: безвозвратно потерять деньги было не так страшно, как испортить репутацию.

И вот мы себе в убыток «тащим» почти три десятка человек в новую жизнь. Через малое время после приезда в Израиль эти люди стали полноправными гражданами. Они работали по специальности, полученной у нас, и платили налоги, вместо того чтобы сидеть на пособии. Я уже упоминал, что разница в деньгах между благополучным налогоплательщиком и получающим пособие для государства составляет около 8 тысяч шекелей в месяц. В пользу государства, разумеется. И этих двадцать девять полноправных граждан мы обеспечили стране за свой счёт, понеся большие убытки, не требуя поддержки министерства.

Да какой уж там поддержки!

Если я стану перечислять все «палки в колёса», которые обеспечил нам департамент трудоустройства, пока мы делали эту работу, то глава растянется до размеров авантюрного романа. Расскажу только об одном, завершающем аккорде, о том, как лично Клавдия Кац пыталась очернить имя «Статуса», когда работа уже была сделана.

По окончании той части проекта «Алия 2000», которую нам оставила госпожа Кац, состоялось завершающее заседание всех сторон-участников. Мы представили подробный отчет о своей работе – о том, что все приехавшие прошли обучение и трудоустроены. Представили списки, названия предприятий, телефоны.

И тут берет слово уважаемая глава департамента трудоустройства. Она обвиняет нас в том, что мы отчет фальсифицировали. В департаменте, говорит Клавдия Кац, проверили данные этих трудоустроенных. Не все, говорит она, работают на тех местах, которые указал господин Фельдман.

Я предложил чиновнице показать пальцем в списке, про каких людей мы, по её мнению, врём. Госпожа Кац поставила галочки напротив трёх фамилий. Я сказал: сейчас на глазах ува-

жаемого собрания мы проверим, кто из нас говорит неправду. Я перевёл телефон на громкую связь и стал звонить. В моём офисе мне дали телефоны предприятий, на которых я рассчитывал найти своих трудоустроенных. На предприятиях я спрашивал, на месте ли такой-то работник, нельзя ли пригласить его к телефону. Подошедшего человека я спрашивал: вы такой-то, как давно вы работаете, не увольнялись ли, устраивают ли условия работы? В общем, опытным путём, на глазах высокого собрания, я доказал, что все люди, которых Клавдия Кац приравняла к «мёртвым душам», оказались душами вполне живыми и работали там, куда мы их устроили.

Что же, вы думаете, происходит дальше?

Дальше рассылается протокол этого завершающего собрания. Это обычная министерская практика – протокол идет министру, генеральному директору и всем остальным участникам собрания: Сохнуту и нам.

В протоколе Клавдия Кац пишет,.. что «Статус» подделал свой отчёт и в списках трудоустроенных есть фальсификации! Это после того, как я на заседании, при живых свидетелях, звонил на предприятия и доказал, что обвинения Кац несостоятельны!

В течение буквально суток после того, как всем заинтересованным поступил протокол, я рассылаю опровержение. Оно тоже поступает всем заинтересованным сторонам, в том числе министру и гендиректору министерства. Я составил его в самой жесткой форме. Привёл факты, рассказал, как проходило собрание, что сказали мне, что в ответ предпринял я. Прямо предположил, что Клавдия Кац действует с целью очернения имени моей компании, для чего не брезгует прямой клеветой.

Такая бумага, по идее, должна была взорвать министерство. Такое серьёзное обвинение требует серьёзного разбирательства. Если я неправ и возвожу напраслину на главу департамента трудоустройства, должны призвать к ответу меня. Если я прав, то ответить за очернение моего имени и подделку протокола должна Клавдия Кац.

Опять спрошу, как принято у нас, евреев: и что вы себе думаете?

А ничего. Тишина.

Моё опровержение, видимо, все инстанции, не сговариваясь, выкинули в мусор.

Такое ощущение, что в министерстве решили не раздувать неприятную историю. А ведь любой порядочный министр в любом цивилизованном государстве должен был бы разобраться, что за беспредел происходит у него под носом. Кто из этих двоих, обвиняющих друг друга в нарушениях закона, прав, а кто - неправ.

Если бы моему документу был дан ход, состоялось бы разбирательство с участием юридического департамента. Предположим, они собрались бы призвать меня к ответственности за клевету, но тогда министерству пришлось бы доказывать в суде, что я их оклеветал. Они явно испугались такого поворота событий и снова поступили по принципу «Рука руку моет». Иначе, почему моя скандальная бумага словно в воду канула?

Догадка о том, что Министерство абсорбции управляется как частная лавочка, похоже, снова подтверждалась.

Кстати, Сохнут выдал «Статусу» грамоту за идеальное превращение в жизнь проекта «Алия 2000».

И у меня осталось ощущение, что Министерство абсорбции и Сохнут вели один и тот же проект в разных странах. В одной действует закон и обязательства перед людьми, в другой – людей запросто готовы подставить во имя чьих-то интересов.

В какой стране мы окажемся в конце концов?

С нетерпением ждём ответа от полиции, прокуратуры и государственного контролёра.

Картина вторая. Письма из мира абсурда

... Не лгите и не обманывайте друг друга.
Вайикра (Левит) 19:11

Вы, дорогой читатель, должно быть, приходите к выводу, что моя история про то, как высокая чиновница направила все свои персональные усилия на уничтожение одной, отдельно взятой компании. В своих персональных интересах.

Я согласен, что поверить в это трудно.

Вдруг психологи министерского проекта «Ахвен» вовсе не специально отсекали от «Статуса» потенциальных учащихся, а просто так совпало?

Вдруг мои многочисленные жалобы в министерство действительно так долго оставались без ответа, потому что у ведомства и без меня дел невпроворот?

И вдруг мне просто кажется, что госпожа Клавдия Кац позво-

лила моей компании ввязаться в проект «Алия 2000», пообещать людям всяческое содействие, а потом поставила перед выбором: делать проект себе в убыток или бросить его и опозориться перед всеми участниками?

Расскажу, как «Статусу» был нанесен следующий удар. И если мы понимаем, что такими вещами не шутят, то увидим, что удар этот был направлен по моей компании и лично госпожой Кац.

Я уже рассказывал, что «Статус» работал в основном с репатриантами. Это не проще, а сложнее. Чтобы заинтересовать человека, недавно приехавшего в страну, мы должны были все время совершенствовать свою работу, создавать новые курсы обучения и улучшать те, что есть. Я и преподаватели моей компании считали, что процесс обучения должен быть гибким. Нужен особый подход буквально к каждой группе студентов. Ведь важно давать людям в руки профессию быстро и качественно. Нам самим выгодно обучить человека как следует, чтобы его трудоустроить. Я всегда говорил: если мы кого-то выучили, но не трудоустроили, то мы сделали только половину работы. А сделать половину работы – это и заработать только половину. Моя компания была чётко мотивирована на высокий процент трудоустройства, поэтому мы добивались весьма внушительных результатов.

Наши будущие студенты приходили сначала к нам. Если предложения «Статуса» им нравились, они заключали с нами договор об обучении, а затем шли получать ваучер в Министерство абсорбции. Это общая практика: репатриант представляет в министерство пакет документов из той обучающей организации, которую он выбрал, и на этом основании ему дают ваучер.

И вот мы получаем новый привет из Министерства абсорбции – официальное письмо департамента трудоустройства. Клавдия Кац требует, чтобы мы представляли будущим студентам, претендующим на ваучер, гарантийные письма – что «Статус» их всех устроит на работу.

Это было абсурдное требование. По трём причинам.

Причина первая. С ваучерами Министерства абсорбции работают обучающие центры. И в нашем случае письмо это было адресовано школе, а не компании по трудоустройству. Скажу сразу: требовать таких гарантий от обучающих центров – полное безумие, да еще и просто незаконно. Обучающие центры не

трудоустраивают людей, это не их компетенция, для этого надо обладать квалификацией и полномочиями рекрутинговой конторы и иметь лицензию Министерства труда. Рекрутинговый бизнес – это свои сложности и свой профессионализм. Если бы трудоустраивать было так просто, государство могло бы делать это своими силами, и не нужны бы были рекрутинговые агентства, которых в стране больше тысячи. И если кто-то решит устраивать людей на работу без лицензии Минтруда, то это по закону Государства Израиль является даже не административным, а уголовным правонарушением.

Поэтому требование гарантийных писем было незаконным в принципе. В нашем случае министерское требование относилось именно к школе – «Статус Скул» - и касалось при этом вопроса трудоустройства, а школы не занимаются трудоустройством. Наша компания «Перфект Плюс» как раз им занималась, но не была связана с ваучерами и Министерством абсорбции, а значит, оно не могло от неё ничего требовать. То есть от кого Клавдия Кац хотела гарантий – вообще непонятно.

Если какие-нибудь обучающие центры, не имея права на трудоустройство людей, взяли тогда на себя такие обязательства, то они просто нарушили закон и подвели себя под уголовную ответственность. И всё это по воле департамента трудоустройства и лично Клавдии Кац!

Причина вторая. Новое требование было юридически несостоятельно по отношению именно к «Статусу». Мы заключали договор о предоставлении услуг по обучению с человеком, будущим студентом, а не с Министерством абсорбции. С министерством у нас не было юридических отношений, поэтому накладывать на нас какие-либо обязательства ведомство не имело права.

Причина третья. Нас, по сути, обязывали давать фантастические гарантии – уровень трудоустройства в сто процентов. Этого не может быть даже в теории. Есть такая наука – андрагогика, она занимается методами обучения взрослых. У неё немного другие законы, чем у педагогики – науки об обучении детей и молодых людей. Есть исследования, которые показывают, что для взрослых, начавших обучаться чему-то новому, уровень дальнейшего трудоустройства в 35-40 процентов считается большим успехом. К чести «Статуса» надо отметить, что мы перекрывали этот показатель почти вдвое. В частности, потому что

у нас был хороший «исходный материал» - репатрианты из стран бывшего СНГ с высоким уровнем базового образования, привычкой трудиться и осознанием того, что им надо кормить свои семьи.

Но сто процентов дать всё равно невозможно! У взрослого человека в жизни может многое перемениться: он женится, разводится, у него рождаются дети и даже внуки, умирают родственники. И он вполне может под давлением обстоятельств передумать устраиваться на ту работу, которую мы для него нашли. Конечно, такие случаи составляют меньшинство, но бывают. Кроме того, у человека средних лет нет столько энергии и решительности, сколько у студента вуза. Взрослый обычно уже не уверен в том, что можно перевернуть мир вверх дном, стоит только захотеть. Ему свойственно осторожничать, решать и перерешивать.

Словом, сто процентов трудоустройства обеспечить невозможно!

И тот, кто такие результаты берётся гарантировать, – лжёт. А лгать нехорошо.

Если чиновник хочет таких антинаучных результатов почестному, без задней мысли – его профессионализм вызывает сомнения.

Опять же, если чиновник забыл о юридических и логических обоснованиях своих сказочных желаний, тоже поневоле задумаешься, по праву ли этот чиновник занимает своё место в министерстве.

Остаётся предположить – а что делать! – что Клавдия Кац полностью некомпетентна в своей области деятельности. Она выдвинула требования к обучающим организациям, которые выдвигать к ним незаконно, нелогично и ненаучно.

Не хочется верить, правда? В Министерстве абсорбции одним из департаментов руководит дилетант?

Вот ещё предположение. Клавдия Кац как раз хорошо понимала абсурдность новых правил. И получается, что полномочия, которые дало ей государство, она сознательно использовала для создания незаконных инструментов манипулирования частным бизнесом.

При помощи таких инструментов можно уничтожить любую неугодную компанию. Исполнять фантастические желания не умеет никто, разве что золотая рыбка.

А ещё больше это было похоже на очередной прямой удар по «Статусу».

Почему по «Статусу», спросите вы. Повторюсь, мы были единственной или, по крайней мере, одной из очень немногочисленных компаний, которые и учили, и трудоустраивали, имея на это право по лицензии Министерства труда. Подозреваю, что вся эта история с гарантийными письмами затевалась для того, чтобы создать причину, по которой можно лишить «Статус» возможности работать с ваучерами на обучение, и это был сокрушительный удар по нашему делу. Предполагаю, что Клавдия Кац, утомившись искать законные основания для убийства моего бизнеса, принялась изобретать незаконные.

Я снова бросился на защиту «Статуса». Говорил с госпожой Кац. Постарался объяснить то, что только что объяснил в предыдущих строках: про антинаучность, нелогичность и юридическую несостоятельность её требований. Воззвал к здравому смыслу.

В ответ услышал: или вы будете давать гарантийные письма, как требует департамент, или больше не будете работать с ваучерами Министерства абсорбции.

По сути, это означало если не смерть «Статуса», то переход в коматозное состояние.

Работа с репатриантами из бывшего СССР – это была наша ниша, эту специализацию я и планировал для своего бизнеса изначально. Если репатриантам не давать ваучеры для обучения у нас, то нам можно закрываться, - с горечью понял я тогда. Те немногие, кто придёт учиться за свои деньги, а не за ваучер, не обеспечат нам нормальной прибыли.

Нас опять загоняли в угол.

Мою компанию поставили в безвыходное положение. Я даже выдал такие гарантийные письма какому-то числу репатриантов, заключивших договор со «Статусом». Понимал, что это полный абсурд, но мне ничего другого не оставалось. Я надеялся выиграть время на то, чтобы попытаться доказать кому-нибудь разумному в министерстве, что новые требования нереальны. Ни по отношению к моей компании, ни по отношению к другим. Я пошёл в очередной раз по тем же инстанциям: приёмная министра, приёмная гендиректора, департамент. И снова нигде не добился, чтобы меня услышали.

К несчастью, борьба Клавдии Кац с честным бизнесом ока-

залась успешна: властью, данной ей государством, чиновница смогла устроить так, что доискаться правды было решительно невозможно, а сама глава департамента творила что хотела.

Примерно через год я получаю информацию от Министерства абсорбции, что нами недовольны. Приходят официальные письма из трёх филиалов ведомства о том, что работа «Статуса» их не устраивает. Дескать, по их данным, среди наших бывших студентов есть люди, которым мы выдали гарантийные письма на трудоустройство, а потом никуда не устроили. Министерские авторы утверждали, что получили эти сведения путём телефонного обзвона наших бывших учащихся. На этом основании три филиала министерства работу со «Статусом» по ваучерам прекращают.

Я мимоходом подумал: одному только «Статусу» пришли такие письма? А если нет, то кому ещё? Обучающим центрам, которые вообще трудоустраивать людей не имеют права? Даже на уровне предположений всё это больше всего напоминало бред и фикцию.

К каждому письму прилагался список из пятнадцати-двадцати фамилий. Эти цифры я упоминаю для сравнения. С начала истории с гарантийными письмами мы успели обучить и трудоустроить сотни людей.

Полтора или два десятка – такое незначительное количество действительно остаётся не у дел, это те самые «передумавшие», о которых я упоминал. Вот поэтому, как я уже объяснял, невозможно стопроцентное трудоустройство, потому что люди есть люди. Ведь и рабочий у станка качественно обтачивает, скажем, пятьсот деталей, а десяток отправляет в брак. Хороший начальник не станет увольнять рабочего из-за того, что он не обтачивает безупречно все сто процентов деталей, это невозможно.

Эта мысль понятна, по-моему, даже неспециалисту. И почему-то не ясна «профессионалам» из Министерства абсорбции. Я же решил проверить, что за людей внесли в списки авторы писем из филиалов министерства.

Стали мы проверять и в очередной раз изумились, насколько обман плотно вошёл в методы работы Министерства абсорбции.

В этих списках были люди, которые на самом деле были нами трудоустроены. Были такие, кто не доучился у нас по своим причинам и не получил диплома, а значит, речь о трудо-

устройстве нашими силами не шла. Были ещё интереснее – те, кто вообще у нас никогда не учился.

Работники министерства, чувствуя свою безнаказанность, поленились придать этим спискам хоть какое-то правдоподобие. Просто сфабриковали!

И вот в соответствии с этими письмами «Статус» лишили возможности работать с ваучерами наравне с другими.

Надо понимать, что это было сделано на совершенно незаконных основаниях, по сфабрикованным обвинениям, и не торгаш с иерусалимского базара их сфабриковал, а государственное ведомство!

Получалось, что мы продолжали существовать в ситуации недобросовестной конкуренции, искусственно созданной департаментом трудоустройства. Мы не могли набирать группы, потому что государство не предоставляло средств тем, кто хотел учиться у нас. А нашим конкурентам, даже таким, которые не проходили по регламенту проекта, с успехом предоставляло.

Это снизило количество наших студентов, но не лишило нас работы вовсе: к нам шли учиться и за свои деньги. Нас знали и рекомендовали друзьям и знакомым. Мы же, со своей стороны, предоставляли рассрочку желающим учиться у нас, чтобы дать возможность людям доучиться и расплатиться. В общем, в очередной раз приходилось крутиться. Хотя невероятно трудно продать на рынке то, что в другом месте дают даром: репатриант ведь предпочтёт пойти учиться за ваучер. Нам всё труднее становилось жить и работать, но мы ничего не могли поделать – такие у нас чиновники.

Свято верящие в то, что страной можно управлять, как частной лавочкой, а законы отменять; направлять денежные потоки туда, куда заблагорассудится, не считаясь с законами страны и Уставом Министерства абсорбции.

Клавдия Кац хотела нанести удар по «Статусу» и нанесла его, но удар этот пришелся ведь ещё и по невиновным людям. Репатрианты лишились возможности за ваучер получить у нас качественное обучение и последующее трудоустройство. Я уже говорил, что наша компания с ее возможностями дать человеку и учёбу, и работу была такая если не одна в Израиле, то одна из крайне немногочисленных. Репатриантам теперь приходилось учиться в обычных обучающих центрах, которые не специализируются на дальнейшем трудоустройстве.

Я неоднократно, в личных беседах и в письменной форме, излагал свои новые проблемы министру Софе Ландвер. И опять всё кончалось пустыми разговорами и невыполненными обещаниями. Дело не двигалось с места. У меня снова появилось подозрение: либо госпожа Ландвер абсолютно заодно с госпожой Кац, либо не способна дать ей приказ прекратить распоряжаться в министерстве – а получается, что и в стране! – как у себя на кухне. В чём же дело? Духу не хватает?

Может, госпожа Ландвер боится своей подчиненной? Чем же Клавдия Кац так напугала министра?

Ситуация становилась всё абсурднее. Вот вам ещё два момента.

Министерство абсорбции неоднократно объявляло проекты «Статуса» весьма удачными, снимало об этих проектах фильмы. Например, о нашей программе по работе с выходцами из Эфиопии. Эта группа людей училась за ваучеры, причем после истории с гарантийными письмами. В фильме много говорилось о том, как министерство удачно помогло этой группе репатриантов, как они прекрасно выучились на курсах, получили дипломы и рабочие места.

В кадре фигурировали... дипломы «Статуса»! На дипломах рядом с названием нашей компании гордо стоял логотип Министерства абсорбции.

То есть в разговорах со мной утверждается, что моя компания неправильная и работать с репатриантами нам не дадут, а в кино можно перетащить наше одеяло на себя!

Выходило, что когда Клавдии Кац надо было создать красивую сказку о своей неустанной заботе о новых израильтянах, она не стесняясь воспользовалась достижениями тех, кому она не давала работать по-людски вот уже не первый год!

Получалось, что если нам удавалось сделать какой-то проект даже вопреки противодействию министерства, то оно сразу хваталось за него как за возможность отчитаться о своей блестящей работе – вопреки всяким представлениям о порядочности. Зачем тогда надо было столь ожесточённо бороться с нами?

А вот и вторая история. После того как мою компанию лишили возможности работать с репатриантами за ваучеры, я узнал, что Министерство абсорбции без всяких препятствий оплачивало учёбу по ваучерам у некоторых наших недобросовестных конкурентов.

Недобросовестность их состояла в том, что они обеспечивали, если называть вещи своими именами, виртуальное обучение: у них не было живых преподавателей и координаторов, не было даже реальных помещений для занятий! «Обучение», которое они предоставляли, было просто набором видеороликов. Эти компании официально не являлись ни обучающими центрами, ни рекрутинговыми агентствами и по закону не могли никого учить. А департамент трудоустройства предоставлял таким «школам» возможность учить репатриантов за ваучеры по принципу «сколько влезет»!

Вот почему я считаю, что удар был нацелен эксклюзивно на нас. Но он пришелся, повторю, по ни в чём не повинным людям – репатриантам.

И повторю ещё, что я очень надеюсь, что Клавдия Кац и Софа Ландвер когда-нибудь дадут честные ответы полиции и госконтролёру.

Пусть полиция и аппарат госконтролёра меня поправят, если я неправильно утверждаю:

описанные в этой главе действия департамента трудоустройства являются преступлением закона; афёра с гарантийными письмами, придуманная Клавдией Кац, является серьёзным нарушением правил и юридических норм госучреждения; все эти действия предприняты с целью введения в заблуждение смежных государственных органов и физических лиц, а именно – репатриантов.

Министр Государства Израиль Софа Ландвер была лично мной неоднократно проинформирована о том, что сотрудники министерства, грубо говоря, творят что хотят. Я не юрист, не прокурор и не адвокат, поэтому моё мнение не может быть экспертным. Но на мой обывательский взгляд, всё это очень напоминает преступление.

Министр Ландвер, опять же, на мой взгляд, повела себя как прямая соучастница этих сомнительных дел. А именно – оставила мои обращения без внимания и, насколько я мог судить, не предприняла никаких шагов, чтобы призвать к порядку свою подчинённую Клавдию Кац.

Всё развивалось даже хуже – об этом речь впереди.

Я надеюсь на адекватную реакцию полиции, прокуратуры, госконтролёра.

Иначе мы однажды-таки проснёмся в банановой республике!

Картина третья. «Именуемое в простонародии шайкой»

Не делайте неправды в суде, в измерении, в весе и в мере.

Весы верные, гири верные (...) да будут у вас.

Вайукра (Левит) 19:35, 36

Наверное, самые разумные читатели этих строк недоумевают: как после стольких случаев несправедливости и произвола я мог продолжать высовываться с новыми инициативами?

Ясно же, что торчащий гвоздь бьют по шляпке, скажут умудрённые жизнью люди. Я тогда ответил бы: так происходит в каких-нибудь тоталитарных государствах! У нас же передовая, свободная страна!

Мне всё никак не хотелось верить, что республика у нас не демократическая, а банановая, и закон в ней тоже банановый. Кроме того, мне надо было продолжать дело, потому что, несмотря на явную нелюбовь ко мне сильных мира сего, я должен был исполнять обязательства перед студентами, выдавать зарплату своим сотрудникам, платить аренду и налоги.

А тут выпал шанс, который выпадает раз в три года. То есть я думал, что это шанс. По ходу дела оказалось, что это ещё одна хитрая игра...

Но обо всём по порядку.

Раз в три года Министерство абсорбции проводило тендер на участие в государственном проекте «Ахвен» - том самом, с которым у меня дружба пока не задавалась. К моменту, который я описываю, «Статус» твердо стоял на ногах и соответствовал всем требованиям для участия в тендере, даже несмотря на то, что возмутительные истории, описанные в предыдущих главах, уже случились. Министерству абсорбции удалось нанести моей компании несколько чувствительных ударов, но, вопреки усилиям чиновников, «Статус» был жив-здоров, достиг серьёзного уровня и готов побороться за право участвовать в госпроекте «Ахвен».

Мне казалось, что если моя компания выиграет тендер и приступит к настоящей, профессиональной работе на территории «Ахвен», мы войдем в состав министерской программы, и нас наконец-то оставят в покое и прекратят давление на мой бизнес. Мы тогда стали бы для министерства хорошим инструментом

для создания картины того, как они эффективно работают. Ведомство ведь уже пыталось выдавать наши успехи за свои, я рассказывал об этом в главе про гарантийные письма для репартиантов. А если бы мы вошли в госпроект, всем бы, на мой взгляд, стало легче жить. Клавдии Кац не было бы больше смысла тратить ее прекрасную жизнь на борьбу со мной, поскольку только дураки пилят сук, на котором сидят. Я же избавился бы от необходимости без конца отбиваться от нападков и подстав, вздохнул бы и перешел на новый уровень, которого «Статус» давно заслуживал.

По правилам тендера предполагалось, что в нём участвуют лицензированные рекрутинговые компании. Для участия в конкурсе им нужно было заключить договор с лицензированными же обучающими центрами. Обычным компаниям требовалось существенно вложиться: кому-то найти партнёров, кому-то обновить помещения, кому-то подыскать новых сотрудников.

У меня же была не обычная компания. Я уже упоминал, что компания по трудоустройству и школа были в составе «Статуса» «под одной крышей». У нас всё было в порядке с классами, компьютерами, оборудованием, штатом сотрудников. Нам даже не пришлось бы менять расписание работы, чтобы быть полноценными участниками проекта «Ахвен», в отличие от других соискателей.

Я читал документы тендера и изумлялся: там практически описывалась моя компания. Вряд ли кто-то мог конкурировать со «Статусом» в части совпадений наших параметров с условиями конкурса. Надо ввязываться, решил я, сама судьба благоволит к нам. Разумные люди не могут не понимать, что мы принесём проекту массу пользы. Ведь под тендером подписался ряд представителей Министерства абсорбции помимо Клавдии Кац (куда ж без неё!), а сомневаться в их разумности у меня пока не было причин. Они должны понять, что польза будет большая и обоюдная. Это сейчас я вижу свою наивность, а тогда всё казалось логичным. Это ведь государственный конкурс, говорил я себе, там должна быть строгая система контроля, честное состязание, никакого произвола. То есть, в соответствии с древней мудростью, всех будут судить одной, справедливой мерой.

Это потом я по своим каналам узнал, что перед этим двенадцать лет тендер выигрывали одни и те же несколько (не более пяти) компаний. Их для виду просто «тасовали» и расставляли

по регионам. Это информация из моих источников, не могу на сто процентов ручаться за её достоверность, потому что мои источники отнюдь не являются полицией, аппаратом госконтролёра и прокуратурой. Эти уважаемые организации вполне могут проверить мои сведения на достоверность. Подозреваю, что им будет интересно.

Но мы отвлеклись.

Подготовка к участию в тендере – огромная работа. Все договорённости с людьми и организациями должны быть заключены к моменту подачи пакета документов. Сам пакет документов – пока незаполненный – приобретается за деньги. Требования к заполнению этих документов поистине драконовские: чуть не тот шрифт, чуть не та формулировка, и твой пакет будет признан не соответствующим правилам, и твоя компания вылетит из списка участников. В результате великого труда, не спав ночей, мы подаём пачку заполненных увесистых брошюр и начинаем ждать результатов.

Комиссия Министерства абсорбции стала тянуть время. У нас было чёткое ощущение, что там лихорадочно решают, что с нами делать. Не позволить нам купить и подать пакет документов у них права не было – республика у нас банановая, но не до такой же степени. Подозреваю, что мы были в этом тендере как кость в горле не только департаменту Клавдии Кац, но и всем прочим участникам, которые старательно трудились над этим лакомым куском уже больше десятка лет. И вот комиссия принялась выдумывать способы не пустить «Статус» на свою поляну. Они ведь тянули резину не один месяц!

Первая попытка «держать и не пущать» была смешная. Мне позвонили и сказали, что комиссия что-то никак не может найти банковскую гарантию на 50 тысяч шекелей, которая должна прилагаться к пакету документов. Без такой серьёзной бумаги пакет не может быть принят на конкурс, взять новый экземпляр гарантии даже и не пытайтесь, потому что ждать никто не будет. Вдруг они страшно заторопились, хотя перед этим я ждал от них ответа-привета несколько недель. Нет проблем, отвечаю, я подстраховался, всякое бывает, я этих гарантий взял в банке сразу три заверенных экземпляра и буквально через час привезу вам оба оставшихся. Не успел я машину завести, как из комиссии перезвонили: ошибка вышла, нашли мы вашу гарантию, не трудитесь ехать. Ну ладно, посмеялись.

Следующую попытку вышвырнуть нас из тендера предприняла уже лично глава департамента трудоустройства, видимо, поняв, что на кривой козе меня не объедешь и надо организовывать козни самой, а не через клерков комиссии. Мне позвонила помощница Клавдии Кац и сообщила, что дама, кандидатуру которой я выдвигаю на должность директора филиала «Ахвен» в Хайфе, не подходит для этой должности, а значит, наше участие в тендере опять под большим вопросом. Почему не подходит, спросил я. Вот у меня под рукой условия тендера, моя кандидатка соответствует заявленным там параметрам: образование, опыт работы, сферы приложения сил. Сформулируйте мне, чем она не угодила вашему департаменту. Наверное, смущённая моим напором помощница госпожи Кац тут же «сдала» свою патронессу. Она сообщила следующее: госпожа Клавдия Кац сказала, что она лично вашу кандидатку не пропускает. Почему не пропускает? Не знаю, может быть, ваша кандидатка слишком молодая.

Это было что-то новенькое.

Разумеется, такое решение являлось незаконным личным произволом главы департамента. Нигде в правилах тендера не был особо указан нижний возрастной порог кандидатов на должности – то есть возраст участников регулировался обычным законом Государства Израиль. Но такое абсурдное объяснение, хотя и было высказано просто помощницей главы департамента, было вполне в духе всего этого департамента и лично Клавдии Кац. Не пришлось бы удивляться, если бы они на ходу выдумали правило не допускать к тендерам «слишком красивых», «слишком умных» и «слишком порядочных». Красота – понятие абстрактное, но вот слишком умные и слишком порядочные, по моим наблюдениям, в департаменте трудоустройства действительно не приживаются.

Так вот, продолжала помощница, есть вариант: вы быстро находите кандидатуру сотрудника такого же уровня, чтобы замена была равноценной и устроила департамент. У вас есть неделя. Иначе тендер дальше пойдет без «Статуса».

Требование было практически невыполнимым. Высококласные специалисты на дороге не валяются. Мы уж было совсем отчаялись, но тут нам несказанно, фантастически повезло: один из моих сотрудников нашёл достойную кандидатку, много лет работавшую в организации Джойнт именно по проектам в обла-

сти занятости. Опыт и квалификация этой дамы были такого уровня, что с ней тягаться не могла бы сама Клавдия Кац. Да и ещё нам повезло, что эта женщина легко согласилась на должность, которую я ей предлагал: она объяснила, что достигла уже многого и теперь хочет больше времени уделять семье, и работа недалеко от дома была бы ей удобна.

Не веря своему счастью, я отправил информацию о замене кандидатуры в министерство.

И вот в один прекрасный день в половине девятого утра сижу я у себя на работе. Мог бы так рано и не сидеть – я не всякий раз являлся прямо с утра, есть ведь дела и вне офиса. Телефонный звонок: «Здравствуйте, это из департамента трудоустройства. Мы получили ваши документы о замене участника. Госпожа Клавдия Кац желает лично видеть вас и вашу новую соискательницу для утверждения ее кандидатуры, но только сегодня до 12 дня. Очень, очень мало времени, знаете ли. Если до полудня вы не приедете, ваше участие в тендере больше не обсуждается».

Было такое ощущение, что со мной говорит крёстный отец сицилийского синдиката. Но ощущения – дело второе, а как реально успеть?

Дорогой читатель, представьте: я в офисе в Хайфе, на часах почти девять, моя драгоценная сотрудница – в Кирьят-Яме, дома, может, вообще ещё спит, а до полудня надо успеть в Иерусалим, в министерство.

Я звоню этой даме: такие дела, я буквально через пятнадцать минут за вами заеду, срочно собирайтесь! Она в ответ смогла сказать только «Вейзмир!»

В общем, я летел до Иерусалима как ненормальный, а моя сотрудница прямо в машине пудрилась, красила губы и вдевала в уши серьги. Господь Б-г, видя такие наши старания, в тот день отменил традиционную пробку на въезде в Иерусалим, что нас просто спасло. О том, чтобы парковать машину по-человечески, вообще речь не шла – бросил, как придётся. Мы вломились в приёмную Клавдии Кац без четверти двенадцать.

«А-а, - сказала глава департамента, - это вы. Я знаю, что господин Фельдман предложил вашу кандидатуру на должность руководителя филиала в Хайфе. Ваша биография и опыт очень впечатляют. Я вас одобряю. Не смею более задерживать».

Верите ли, через минуту мы вышли из кабинета Клавдии Кац.

Искренне недоумеваю – что это было?!!

Есть у меня подозрение, что Клавдия Кац, авторитарная чиновница, совершенно уверена, что она щелкнет пальцами – и к ней в самый короткий срок примчится взмыленной лошадейю любовью бизнесмен из любого уголка страны. А может, она любого так гонять и не стала бы, и комбинация была задумана снова против меня лично? Ведь войди мы в кабинет в одну минуту первого – и, очевидно, услышали бы: приём окончен, кандидатура не одобрена, прощайте, пошли вон из тендера. Логично, если учесть все предыдущие хитрости Клавдии Кац, направленные против меня и моей компании.

Но в случае с явкой в министерство меня снова Б-г хранил. Мы успели прибыть вовремя, а до этого ухитрились преодолеть и прочие препятствия. Комиссии деваться было некуда – они допустили нас до конкурса. Образно выражаясь, выпустили на ринг и даже дали полотенце.

Ринг – это красивый образ, но на самом деле судьбу конкурсантов тихо решает комиссия. Никакой «драки» как таковой нет. Участникам тендера потом объявляются результаты, и скажите спасибо, если чиновники ответят на ваши вопросы.

И вот по прошествии положенного времени мы узнаём, что тендер выиграли отнюдь не мы, а другие компании – две или три. Не подошли мы по каким-то параметрам – ну что ж поделаешь. Подозрения на тему честности или нечестности действий министерской комиссии мы могли высказывать исключительно друг другу. В Министерстве абсорбции, вообще, всё так устроенно, что доискаться правды и понять, как там происходят процессы, практически невозможно. В качестве утешительного приза мы, как и все участники тендера, имели право забрать банковскую гарантию и экземпляр официального решения комиссии.

И тут Провидение решило приподнять для меня завесу тайны над великим государственным тендером. Путь, по которому ко мне пришла информация, был воистину мистический.

Судите сами. Моя сотрудница, которую я отправил в министерство за нашим пакетом, по ошибке приезжает не в тот день. Министерской дамы, ответственной за эти документы, нет на месте. В кабинете сидит другая дама, которая не к тендеру отношения не имеет и не знакома с тонкостями всей подковёрной борьбы. Кроме того, женщина, наверное, была просто добра по природе и не видела смысла устраивать людям неприятности на

ровном месте. Редкий случай в Министерстве абсорбции!

Моя коллега пожаловалась этой даме, что вот же, как обидно, перепутала день, теперь придется тащиться из Хайфы в Иерусалим снова, опять терять день, шеф будет недоволен, нельзя ли как-нибудь помочь?

Да вон в том ящике все документы по тендеру, отвечала чиновница, явно не желая задумываться о том, о чём ей не поручали думать. Возьмите и сделайте ксерокопии того, что вам нужно, что за проблема?

Моя сотрудница доложила по телефону, что ей тут дали ящик со всеми тайнами гостендера. Я разрешил ей потратить на копирование хоть тысячу шекелей и переснять всё, что она успеет, пока можно.

Так в наши руки попала закрытая информация Министерства абсорбции. Если бы моя коллега не перепутала день, когда явиться в ведомство, мы бы не узнали интереснейших подробностей того, как проходил гостендер. Надо заметить, что в действиях моей подчинённой не было криминала – ведь ей дала доступ к документам не уборщица со шваброй, а ответственная чиновница министерства. Копии были сняты совершенно официально, копирование в установленном порядке оплачено.

Стали мы добычу нашу читать. По мере изучения документов глаза у нас вылезали на лоб всё дальше.

Начать с того, что в заявках тех компаний, которые тендер выиграли, была масса неправильностей в оформлении – это притом, что требования к внешнему виду и шрифтам были, как я уже рассказывал, строжайшие. Только на компьютере, только шрифтом «David 12»! Любой другой шрифт – и документация по правилам тендера становилась недействительной. Но в деле гостендера «весы и гири» вовсе не для всех одинаковы!

А в документах победителей в коммерческом предложении многие цифры были вписаны ручкой, что уж совсем недопустимо. Вот вам, дорогой читатель, кажется, что я морочу вам голову дурацкими мелочами, а между тем это отнюдь не мелочи. За подобные и даже более мелкие нарушения мой «Статус», например, вылетел бы из списков моментально. А компания, признанная победителем, заполняла с нарушениями даже коммерческие предложения. Это важно. Это, скорее всего, означает, что документы эти были заполнены позже, чем полагалось по правилам тендера, то есть задним числом. Логика подсказы-

Кто «убил» «Статус», или Преступление без наказания

ваает, что «победители» и комиссия до поры не знали, какие цифры коммерческого предложения подадим мы, и свои цифры вписали прямо ручкой и прямо на комиссии. Участник, так оформивший документацию, должен был быть снят с конкурса. А эти участники его ещё и выиграли! Что-то тут не то, правда?

Смотрим мы дальше – ого, ещё интереснее. Видим в качестве кандидата на должность психолога того же человека, которого внесли в свои документы и мы. Это разрешается: психолог ведь просто нанимается, какая компания выиграет тендер – в ту он пойдёт работать. Так вот, как кандидат компании-победителя этот человек оценён очень высоко, а в нашей заявке тот же человек – очень низко. То есть получалось, что если бы этот специалист работал у нас, он считался бы плохим психологом, а если бы у тех, кто выиграл – его квалификация волшебным образом стала бы выше. Представляете, какие у нас «честные, неподтасованные» тендеры!

Дальше видим ту же историю с помещением для занятий. Обозначили мы в заявке офис, уже принадлежавший «Ахвен» - по договорённости, конечно. И соперники наши удачливые этот же офис внесли в свои документы. И снова – если бы мы снимали это помещение, оно получило бы более низкую оценку, чем в случае, если бы его снимала победившая компания. А адрес один и тот же, в Ашдоде!

Очень низкий балл моя компания получила по позиции компьютерного оснащения. Совершенно непонятно, почему: «Статус» был партнёром Майкрософт и Симатрон, вся переквалификация работников для Симатрона проходила в наших школах. Поэтому мы придерживались самых высоких стандартов в компьютерном оснащении, мы преподавали такие вещи, как моделирование в трехмерном пространстве, а для этого нужны очень мощные, самого современного класса компьютеры, не в каждой компьютерной школе такие найдутся. А что касается наших конкурентов-победителей – я потом сам видел у них в офисах старые квадратные мониторы.

Ну ладно, мониторы – не главное. Интересный факт в том, что ещё до начала тендера мои помещения с компьютерами инспектировала лично моя любимая израильская чиновница – Клавдия Кац. Она явилась в сопровождении двух леди почтенного возраста, которые вряд ли с уверенностью могли сказать, какой кнопкой компьютер включается. Ни эти дамы, ни сама гос-

пожа Кац не вошли в наши компьютерные классы, не включили ни одного компьютера. Зато потом в документах на тендер наше компьютерное оснащение получило довольно низкий балл. Обидно, да?

А ещё обиднее нам было увидеть весьма низкую оценку нашего опыта работы с репатриантами – была и такая позиция. Это у нас-то недостаточный опыт работы с репатриантами?! К моменту этого тендера мы с ними работали больше десяти лет! Репатрианты составляли более восьмидесяти процентов наших студентов и трудоустроенных. Предприятия и корпорации платили нам деньги за наших выпускников – можно спросить у них, хорошо ли мы готовили специалистов из вчерашних советских учителей и лаборантов! Или Министерство абсорбции как-то иначе представляет себе успешную работу с репатриантами? Или нас в очередной раз грубо отодвинули от «вкусного» проекта, не стесняясь в средствах, и решили отдать лакомый кусок по своему усмотрению?

Не буду утомлять вас, дорогой читатель, подробным рассказом о том, сколько нам поставили таких вот не соответствующих действительности оценок по самым разным пунктам – если коротко, то более десятка. Нас явно искусственно оттесняли от борьбы. Скажу только, что так действуют, если заботятся не о качественном обучении людей, не о приехавших в страну новых граждан, а исключительно о личных интересах.

Мне оставалось либо лелеять «мечту идиота», как выразился Остап Бендер, либо начинать смотреть на действительность открытыми глазами.

Вспомним вопрос, который древнеримский юрист Кассиан Равилла двадцать веков назад придумал для всех труднообъяснимых случаев – «Кому выгодно?»

И задумаемся – кому?

Я уже говорил, что участников комиссии, которые ставили подписи под решениями, было несколько – человек семь. Но я поразился, когда узнал, что особые права госпожи Клавдии Кац были обозначены прямо в правилах тендера. В них был пункт, гласивший, что её личная оценка компании-участника «весит» целых 20 процентов. То есть персональная симпатия или антипатия госпожи Кац перевешивала все преимущества либо недостатки. Компания-участник могла представить лучшие условия, блестящих специалистов, выгодные цены – но перевес в 20

процентов, обеспеченный просто мнением одного чиновника, сводил на нет все усилия по принципу «А вот не люблю я тебя!»

Влияние Клавдии Кац на оценку компании-участника было решающим. Она фактически единолично могла выбрать «лучшую» и ей доверить распорядиться государственными деньгами! А ведь в тендере фигурировали сотни миллионов шекелей.

Вот просто возникает из седой античности тень древнеримского законника Кассиана Равиллы с настоятельным вопросом: кому выгодно?!!

А еще товарищ Кассиан, вероятно, спросил бы, кто же такой тендер придумал и как его пропустила специальная комиссия, которая, по идее, должна проверять тендеры на совместимость с законом и здравым смыслом. Что за закон даёт одному человеку в руки перевес в 20 процентов при принятии решений? И как такое подписали сразу несколько представителей Министерства абсорбции, будучи в здравом уме и твёрдой памяти?

Тут в нашем виртуальном разбирательстве Кассиана отодвинул бы в сторону герой фильма «Место встречи изменить нельзя», блестяще сыгранный Высоцким, и произнёс бы знаменитое: «Таким образом возникло преступное сообщество, именуемое в простонародии шайкой!»

Именно шайкой называется группа людей, объединённая одним замыслом, который им выгоден. Слово это не из лексикона профессиональных юристов. А как правильно назвать компанию единомышленников Клавдии Кац, пусть думают полиция и прокуратура. Я их давно к этому призываю.

И шайка сделала всё, чтобы не допустить нового значимого игрока в лице «Статуса» на свою поляну. Даже обладая в принятии нужных решений огромным ресурсом в 20 процентов, лично обеспеченных Клавдией Кац, они совершили массу подтасовок и грубых ходов, чтобы нас попытаться из тендера вышибить. Вот как не хотелось этой шайке допустить к своему пирогу хоть кого-то другого, кто не был согласен договариваться. Выгода куда важнее, и она очевидна.

Если я рассуждаю неправильно, пусть меня поправят органы правопорядка, но всё это весьма напоминает распоряжение государственными средствами по своему личному усмотрению. Личное усмотрение, очевидно, того человека, кто главный. У кого 20 процентов силы. Логично?

Примерно с этим набором аргументов я ходил на приём к ми-

нистру Софе Ландвер. Просто потому, что начальница должна знать, что творит подчинённая, хотя я уже несколько раз излагал госпоже Ландвер факты, подтверждающие чиновничий беспредел в департаменте трудоустройства – вы про эти мои попытки в предыдущих главах прочитали. Жаловался я и гендиректору Министерства абсорбции Дмитрию Опарцеву. Мои обращения они, по сути, проигнорировали, как и запросы депутатов Кнессета, инициированные по моей просьбе. Как и в прошлые разы, стену равнодушия и цинизма пробить не удалось.

И такое сложилось впечатление, что степень моей информированности, все те факты и документы, которые были у меня в руках, несколько испугали министра абсорбции: а вдруг Интернет и широкая общественность узнают и про гостендер, и про проект «Алия 2000», и про репатриантов. И вот через полгода после тендера проект «Ахвен» закрывается. После десятка с лишним лет работы, без объяснения причин. Я как налогоплательщик имел право запросить у министерства информацию о причинах закрытия госпроекта. Вдруг он для меня жизненно важен? Запросил, официально и неоднократно. Разумеется, ответа не получил. Видно, запросить-то информацию налогоплательщик может, а вот получения информации ему никто не гарантирует. Вполне в духе Министерства абсорбции, хотя по закону так нельзя, конечно. Кстати, проект меньше чем через год возродился под другим именем, но примерно с теми же целями. То есть это тоже был ложный ход, чтоб уйти от ответов: они просто поменяли вывеску.

Оставалось предположить, что я имел дело с одной сплочённой шайкой, куда входили и министр, и гендиректор министерства, и шайка эта не собиралась давать выигрывать кому попало государственные тендеры с бюджетом в сотни миллионов шекелей, а тем более кому-то разъяснять свои действия.

Я пошёл к народным избранникам. Несколько депутатов Кнессета отправили депутатские запросы по поводу гостендера в Министерство абсорбции. Ведомство оставило запросы без внимания. Но, видя, что проблема перестает быть внутренней министерской, они подготовили для меня еще один подлый удар, о котором речь впереди. Я расскажу, кого ещё эта шайка включила в свои ряды, чтобы продолжать отстаивать собственные интересы.

Я вообще всё это рассказываю, чтобы не допустить распро-

Кто «убил» «Статус», или Преступление без наказания

странения злокачественной опухоли на всю страну, иначе страны в скором времени не будет.

Государство Израиль превратится в частную лавочку, которой управляет к тому же бессовестный и жадный частник. А достойные люди, видя произвол и беспредел, уедут в другие государства.

Хотим мы этого?

Картина четвёртая. Не тот контролёр

...Не угождай лицу великому: по правде суди ближнего твоего.

Вайукра (Левит) 19:15

Вот вам совсем короткая история, доказывающая, что в высоких кабинетах Министерства абсорбции все заодно.

Я после истории с гостендером всё ещё надеялся исправить ситуацию, что называется, мирным путём – без использования тяжёлой артиллерии вроде полиции. Обращение в полицию могло бы привести к тому, что у меня появились бы проблемы с другими министерствами, кроме Министерства абсорбции. Министерство в Израиле (как и во многих других странах, конечно) – машина тяжёлая, инертная и действует по схеме. Если у какой-то компании проблемы, сначала отзывается её лицензия, потом идёт неторопливое разбирательство, и очень часто бывает, что разберутся честно и лицензию восстановят, но время-то ушло. Было дело, моя любимая израильская чиновница Клавдия Кац пыталась влиять на мой бизнес через Минтруда, в результате у меня филиал в Тель-Авиве более года не участвовал в государственных программах; а конкуренты мои в полной мере участвовали. Это, как вы понимаете, и денежные, и репутационные потери, в результате существенно сужается круг потенциальных клиентов. Зная сомнительные методы госпожи Кац, и догадываясь, что её всегда поддержит сама госпожа министр, я опасался слишком «резких движений». Компания должна была работать и выполнять обязательства перед людьми и организациями.

Известно, что при каждом министерстве существует человек, чья должность называется «государственный контролёр министерства». Я, разумеется, это знал, но никогда подробно не разбирался, что за контролёр такой. Повода не было, да и времени - тоже. Логично предположить, что этот ответственный человек,

вероятно, подчиняется госконтролёру Израиля и специально посажен в министерство, чтобы проверять работу его подразделений и наводить порядок. Вот ему-то я и изложу свою проблему. Точнее, ей – должность эту занимала госпожа Тали Буадана.

Я засыпал приёмную госконтролёра министерства письмами и жалобами. Мне даже раз или два прислали официальную стандартную отписку: приняли-разбираемся-ждите ответа.

Я задействовал некоторые свои связи и добыл прямой телефон Тали Буадана. Несколько раз я ей звонил, рассказывал о своих проблемах и интересовался, нельзя ли законным образом разобраться.

И вот министерская «контролёрша», чтобы как-то закончить третий или четвёртый по счёту телефонный разговор со мной, сказала: ну хорошо, я заеду к вам в офис. Вот тогда-то и тогда-то я буду в Хайфе по делам министерства и заеду.

И надо же, правда заехала!

С порога госпожа Буадана заявила, что у неё есть максимум полтора часа на разговор о моих делах. Я уже был готов. Копии документов и обильной моей переписки с официальными представителями Министерства абсорбции уже лежали на столе и представляли собой две пухлых папки. Я начал свою историю – смесь детектива и шекспировской пьесы.

В общем, госпожа Буадана провела в моём офисе – честное слово! – семь часов вместо полутора. Наверное, она не ожидала увидеть такой объём документов, указывающих на незаконные действия министерства, в котором она работала, на обман и фальсификации. Не раз и не два она произнесла: «Не может быть!» Совсем как я сам когда-то, в начале моей «подковёрной борьбы» с департаментом трудоустройства. «Контролёрша» была без преувеличения в шоке. После примерно шестой чашки кофе и примерно двадцать первого «Не может быть!» госпожа Буадана твёрдо пообещала разобраться. Я же вручил чиновнице два тома копий документов и заверил, что буду ждать её ответа, просто-таки как ребёнок ждёт дня рождения.

Прошла неделя, две, месяц. Позвонил я, конечно – терпение-то не железное.

Мне ответили, что идет разбирательство. Сами, мол, подсунили документов три килограмма, теперь ждите, когда всё проверят.

Не было конкретного ответа по поводу моих проблем и через

полтора месяца, и через два.

Я звонил Тали Буадана ещё несколько раз, а потом она начала мои звонки сбрасывать. Я понял, что запас совести и терпения у этой дамы кончился. Её горячее желание разобраться в предоставленных мной фактах явно подостыло. Я даже не удивился – человек сидит в Министерстве абсорбции, а какая там атмосфера, вы уже, наверное, поняли.

Я отправил в приёмную госконтролёра министерства официальное письмо, и даже не одно. В них я писал, что требую официального ответа на мои запросы с конкретной формулировкой: какую оценку даёт госпожа Буадана изложенной мной информации о нарушениях Устава Министерства абсорбции, о фальсификациях документов и прочих возмутительных фактах. Ведь за то время, что Тали Буадана вникала в суть дела, даже неспециалист смог бы разобраться и понять, что дело, как говорится, пахнет керосином, и перспектива уголовного разбирательства вполне реальна.

А с учётом того, что гендиректор министерства и министр были мной неоднократно информированы обо всех нарушениях, дело смахивало на коллективный сговор с участием первых лиц ведомства.

Я в своих обращениях просил Тали Буадана ответить: либо официальное разбирательство будет назначено в такие-то сроки, либо госконтролёр министерства считает описанную мной ситуацию новым вариантом нормы, и такие теперь правила для тех, кто работает с Министерством абсорбции.

В этой увлекательной односторонней переписке проходит более года! И вот мне приходит официальное письмо из приёмной госконтролёра министерства. Оно подписано не известным мне сотрудником по имени Фарадж и содержит буквально с десяток слов. Далёкий незнакомый Фарадж докладывает: по поводу представленных вами документов проведена проверка, нарушений не выявлено.

Я позвонил госконтролёру министерства. Госпожа Буадана, спросил я, кто такой Фарадж? Я имел официальную встречу в своём офисе не с Фараджем, а с вами. Копии документов, подтверждающих беспредел в министерстве, я передал лично вам. Я не знаю, какие документы видел уважаемый Фарадж – он об этом в своём письме не сообщает. Все ли он видел документы, мои ли вообще он видел документы – об этом у меня информа-

ции нет! Вы сами, когда смотрели в моём офисе документы в ходе нашей официальной встречи, были далеки от мысли, что в моей ситуации «нарушений не выявлено». Если вы считаете, что разбирательство закончено, доверяете своим подчинённым, которым поручили проверку – Фараджу или ещё кому-то – подпишите, пожалуйста, официально письмо своей подписью. Я тогда смогу с этим письмом и всеми теми документами, которые вы видели, пойти дальше. Обращусь в другие организации, которые смогут установить достоверность вашей проверки. Я буду знать тогда, что вы считаете, что всё происходящее со мной и моей компанией – не повод для беспокойства. Только подпишите письмо сами!

Знаете, отвечала госпожа госконтролёр, не учите меня, где мне подписываться.

На этом общение прекратилось. Больше она на звонки не ответила ни разу.

Пока я дождался реакции госпожи Буадана на мои жалобы, я выяснил, что это за должность такая – госконтролёр Министерства абсорбции. Оказалось, этот человек работает исключительно в рамках ведомства и подчиняется министру. То есть он как бы наблюдает за порядком в ведомстве, но не является независимым «следящим оком», в отличие от «большого» госконтролёра, выбираемого Кнессетом.

Ситуация плохо сочетается со здравым смыслом, но я уже сказал, что министерства живут по своим схемам. Конечно, так удобнее: контролирующий отдел подчиняется первым лицам министерства и их контролировать никак не может. Как можно непосредственному боссу указать на ошибки? Я ведь уже рассказывал, что госчиновник в Израиле подобен полубогу и своим местом необычайно дорожит, а значит, не высовывается. Система опять взяла верх над разумом и логикой, а заодно и над законностью.

Родилось у меня две версии, как действовала госпожа Буадана, получив факты и документы из моих рук.

Версия первая. Возможно, она и вправду честно пыталась разобраться и выполнить свой профессиональный долг. Ну, вот хочется предположить, что Тали Буадана оказалась действительно порядочным человеком. В конце концов, у меня нет оснований утверждать обратное. Ей, видимо, пришлось обратиться за разъяснениями к моим любимым высоким чиновницам

Государства Израиль – Клавдии Кац и Софе Ландвер. А что ещё делать, если она прямая подчинённая министра? А дальше, в стиле моего любимого министерства, на госпожу Буадана могли надавить, могли ей в предельно ясных выражениях объяснить, что честное разбирательство в этом случае никому не интересно. Могли намекнуть, что на эту должность есть и другие желающие. А для чиновника угроза лишиться своего государственно-го места страшнее угрозы пойти против совести.

Есть и вторая версия. Я, возможно, госпожу Тали Буадана идеализирую. Предположим, знала она мою предысторию и не собиралась мне помогать. Просто потому, что в ее положении «декоративного» контролёра это вообще затруднительно. Но приёмы работы Министерства абсорбции вы уже поняли, и госконтролёру министерства нет причин работать иначе. А именно: пообещать разобраться и максимально затянуть время. Пока они бесконечно разбираются (по-настоящему, или делая вид), время работает на них и против меня. Я не могу идти дальше, в другие инстанции и организации, где, может, разобрались бы с беззаконием хоть как-то. Страдает бизнес, стоят дела. Компания и так вынуждена работать на весьма тесном рынке, в условиях естественной жёсткой конкуренции и искусственной регуляции, которую навязывает Министерство абсорбции. А тут еще и время работает против нас.

Это мои версии. Я не настаиваю на том, что так (или этак) всё и складывалось. Я вообще, если читатель заметил, много занимаюсь конструированием собственных версий – просто потому, что добиться правды от Министерства абсорбции чрезвычайно трудно.

Это не решаются сделать даже такие серьёзные организации, как полиция, прокуратура и государственный контролёр. Тот самый, «старший», а не декоративный из министерства. Я не первый раз уже утверждаю, что уважаемые органы, стоящие на защите законности и правопорядка, должны, наконец, проверить и осмыслить деятельность Министерства абсорбции и вынести своё суждение. Либо все эти дела признаются нормой, и нарушения входят в нашу жизнь в качестве правил, либо должны быть пресечены по закону, который в Государстве Израиль пока ещё есть.

Иначе наша страна превратится в криминальную частную лавочку. А потом вообще погибнет. Кому это выгодно?

Картина пятая. А-Камбина Рафи Гината

Не разноси сплетни среди народа твоего.
Вайикра (Левит) 19:16

Вы прочитали мои предыдущие истории и поняли, в какой обстановке «Статус» работал в течение шести с лишним лет. Мы настолько не нравились недобросовестным чиновникам государственного министерства, что на компанию постоянно сыпались удары по самым разным поводам. Но, несмотря на многочисленные усилия тех, кому мы были не по нраву, «Статус» продолжал жить, зарабатывать, приносить пользу людям и государству. Причём дело даже не в том, что мы были такие идеальные герои. Практика показывает, что твёрдо стоящий на ногах бизнес вообще не так-то просто свалить. Хорошо устроенное дело само себя лечит. Если его не убивают до смерти. Об убийстве разговор впереди.

Нас спасало в первую очередь умение работать и, как следствие, – хорошая репутация. Я уже рассказывал, что люди, получившие у нас переквалификацию и трудоустройство, рекомендовали «Статус» дальше по цепочке друзьям, родственникам, детям, соседям. Рассказывал, что мы занимали нишу работы с репатриантами, потому что умели с ними работать. Я сам приехал в страну совсем молодым человеком и понимал, что нужно репатрианту.

А вот многие чиновники, и не только в Израиле, существа особенные. Они частенько напрочь забывают о том, как живут люди за пределами их номенклатурного мира. Многие израильские чиновники - сами бывшие репатрианты. Но у некоторых память об этом периоде жизни отмирает в первую очередь, а во вторую – способность понимать проблемы «новых израильтян» и помогать им.

После драматических историй, описанных в предыдущих главах, мы, по сути, лишились многих ресурсов. Не захотели договариваться с сильными мира сего на их сомнительных условиях – и нас отсекли.

Пришлось перестраиваться и придумывать, как жить и работать дальше. Нашли возможность сотрудничать с Министерством труда, которое тоже выдавало ваучеры на обучение определенным слоям населения – малообеспеченным, матерям-одиночкам, инвалидам, даже бывшим наркоманам и осво-

бодившимся из мест заключения. Работали и с ваучерами Министерства обороны, которые оно предоставляло демобилизованным. Сконцентрировались на частном рынке продаж. Качественная перекавалификация – продукт недешёвый, и разумные люди понимают, что в будущем это даст стабильность и благополучие.

В общем, мы устояли.

Я при этом не собирался оставлять без дальнейшего разбирательства вопиющие случаи нарушения закона, которые я наблюдал и почувствовал на своей шкуре. Обратился к членам Кнессета. Несколько парламентариев направили запросы в Министерство абсорбции. Вопреки законам Государства Израиль, депутатские запросы остались без внимания. Мое любимое министерство, как всегда, поступало по своим схемам и своим правилам.

А вот меня и мою компанию ждал очередной подлый удар.

Сейчас снова буду строить версию на одной логике, потому что доискаться правды «с той стороны» снова не вышло. Это, как вы уже поняли, норма для наших чиновников. Я постоянно повторяю, что у меня куча фактов, документов, подтверждённой информации – нате, проверяйте, установите, наконец, кто прав, а кто виноват. Чиновники же сидят в министерстве, как в крепости, – и тишина.

Впрочем, не совсем они как в крепости сидят. Они периодически вылезают с диверсионными операциями. Вот и в случае, о котором сейчас пойдёт речь, я подозреваю, было так же.

Наверное, глава Министерства абсорбции Софа Ландвер и ее подчинённая (или подельница?) Клавдия Кац почувствовали, что ситуация выходит из-под контроля. «Статус» продолжал работать, не полагаясь на Министерство абсорбции, то есть экономические рычаги давления на компанию больше не действовали. И при этом руководитель «Статуса» инициировал депутатские запросы в министерство. Их можно было до поры до времени игнорировать, но, видимо, не бесконечно. Люди, творящие сомнительные дела, вообще не любят всяких неудобных вопросов и лишнего внимания к своей жизни. В общем, я, очевидно, стал ужасно неудобен для первых лиц Министерства абсорбции.

И тут против меня выставили оружие, известное своими свойствами. Есть виды оружия, про которые все знают, в каких случаях и на каких условиях они применяются. Широко известно,

что есть журналисты, а есть информационные киллеры. Их услуги, как услуги любого киллера, покупаются. Нет в истории преступлений примера, чтобы профессиональный киллер работал бесплатно, а то у него будет странноватая репутация «полулюбителя». Как говорится, «бизнес, ничего личного».

Но обо всём по порядку.

Сию это я дома в субботу – в день, когда Господь Б-г заповедал нам отдыхать от трудов праведных. Не тут-то было. Звонит мне сотрудница: я, говорит, тут телевизор смотрю. На «Десятом канале» идут анонсы будущего выпуска программы «Кольботек». Там сообщают, что собираются разоблачить нечестные методы работы одного колледжа. А в кадре – офис «Статуса»! Включил и я «Десятый» - правда, идут такие анонсы. Грозит нам информационной головомойкой сам великий и ужасный Рафи Гинат. Вот тебе и суббота! Программе «Кольботек» не спится!

Рафи Гинат – человек известный, весьма популярный у доверчивой публики. Вы наверняка смотрели его программу «Кольботек» или хотя бы слышали про неё. Это классический образчик так называемого «жёлтого» средства массовой информации. Все мы знаем, что «жёлтая пресса» есть во всех свободных странах. Мне в голову никогда не придёт, что такую программу надо, например, запретить. Но надо просто знать ей цену – её методам, степени её правдивости. Степени её продажности, не в последнюю очередь. Как говорится, делить на шестнадцать. Чего совершенно не умеет большинство нашей публики. Чем это опасно – скоро увидите.

Программа шла в эфире чуть не три десятка лет, и очень может быть, что на заре её существования это была относительно честная журналистика. Но времена менялись. Про господина Гината довольно широко известно, что его внимание к окружающему информационному пространству весьма и весьма избирательно. Он избирает для рассмотрения те проблемы, в которых заинтересован. Или кто-то его заинтересовал.

Один мой знакомый, бывший журналист из Петербурга, говорил о подобных методах: «Деньги в кассу – культуру в массу!» Бывает, что речь идёт не о деньгах в чистом виде, а о выгодах другого рода – например, покровительство высокопоставленных персон. Бывает, что приходится исполнять волю этих персон. Опять же, «ничего личного».

Таких журналистов часто привлекают, если надо утихомирить кого-нибудь слишком активного. Чаще всего в политике: все знают яркие примеры таких телегероев, например, в российском или украинском эфире. Публика охотно кличет их «телекиллерами».

Рафи Гинат в политической борьбе не замечен, концепция программы «Кольботек» вообще более бытовая. Под видом защиты «простых людей» они нападали на компании и организации, которые (по правде или как будто бы) этих «простых людей» обижают. Многие вспомнят историю шестилетней давности, когда этот робин гуд от телевидения чуть не разорил компанию по импорту замороженных продуктов, объявив о недопустимых примесях в мороженой рыбе. Пикантность истории прибавил тот факт, что лаборатория, делавшая анализ по просьбе редакции, заявила потом, что результаты этого анализа некорректны, и лаборатория не несёт ответственности за то, как это комментировали в эфире. Дураками выглядели и сама лаборатория, выступившая в духе «Я не я и лошадь не моя», и редакция программы, заказавшая анализ каким-то странным людям, не отвечающим за свои слова.

Но обыватель был напуган капитально: мороженую рыбу боялись покупать, объём продаж упал более чем вдвое, торговые сети в испуге избавлялись от партий мороженого товара. Особенность телевидения вообще и «Кольботека» в частности в том, что «первое слово дороже второго». На пресловутого «простого человека» действуют звонкие фразы из телевизора, а то, что за ними последует – иски о клевете, разбирательство, объяснения экспертов – уже не воспринимается. Вот прокричал тогда Рафи Гинат с экрана слово «полифосфаты» - и все ужасно напугались. Потом умные люди пояснили, что это мирная пищевая добавка, а вовсе не смертельная отравка, но «простой человек» уже не слышит. Не люблю, если честно, сам этот термин – «простой человек», а также спекуляции вокруг него. Однако многим нравится быть «простыми», и интересы «простых» часто считаются самыми важными. Мы к этому ещё вернёмся.

А пока перенесёмся в 2013 год, когда мы увидели на «Десятом» анонсы программы, угрожавшей вывести нас на чистую воду. На следующий день с раннего утра мой адвокат написал в редакцию «Кольботек» официальное письмо. Даже два – Рафи Гинату как ведущему программы и Рафи Гинату как гендиректо-

ру канала. Чтобы было убедительнее. Мы просили отложить эфир и прислать сотрудника редакции, чтобы он взял у меня любую информацию о нашей работе. Я готов был предоставить документы, цифры, факты, мне нечего было скрывать! Хотелось, чтобы зритель увидел, что негативная информация про мою компанию – это ошибка. Ясно же, что журналистское расследование, в котором не представлена информация об обвиняемой стороне, является несостоятельным и непрофессиональным. И выглядит, как сфабрикованное в интересах обвиняющей стороны.

На письмо ответить телевизионщики побрезговали. Я через какое-то время позвонил. Сотрудник, забывший представиться, отвечал примерно так: мы провели своё расследование, мы всё про вас знаем, вы - аферисты, мы вас разоблачим, не о чем с вами разговаривать.

И тут я понимаю, что Рафи Гината, известного своей ангажированностью и своими эффектными расследованиями, науськали на меня, как овчарку. Интервью со мной этим «профи» было явно не нужно. Чему тут удивляться – читал я когда-то интервью с господином Гинатом, в котором он так отрекомендовал коллектив «Кольботек»: «Бродячие коты без роду и племени, профессии своей в университетах не обучались, пришли на телевидение с улицы». Почему надо гордиться тем, что твои коллеги «не обучались» и «с улицы»? Если бы я своим клиентам хвастался, что у меня сотрудники и преподаватели «с улицы», со мной никто работать не стал бы. Если вам, скажем, в кабинете стоматолога сообщат, что доктор «с улицы» и «профессии не обучался», вы долго задержитесь у такого доктора? А телеведущий почему-то считает, что «с улицы» - это прекрасная характеристика для журналиста.

Не буду обижать журналистскую братию – на мой взгляд, сотрудники «Кольботек» не журналисты. Действительно «бродячие коты», не брезгующие никакой тухлой костью. Буду называть Гината и его детище так, как они заслуживают – «телекиллеры». Этого борца с мороженой рыбой явно натравили на нас специально, а он и рад был, потому что такое у него телевизионное амплуа. Мою компанию просто «заказали», а киллер - на то и киллер, чтобы его не мучила совесть, когда он держит жертву под прицелом.

В истории с рыбой, кстати, пытались тогда разобраться про-

фессиональные (в отличие от «бродячих котов» Гината) журналисты. Удалось получить официальное мнение главы Ассоциации рыбоводов Израиля, весьма довольного тем, что дела импортёров мороженой рыбы пошли хуже, а рост продаж свежего продукта вырос на треть. Самое время спросить, как учил нас древнеримский юрист и как я уже неоднократно спрашивал на страницах этой книги: кому выгодно? Кому выгодна была противорыбная активность Рафи Гината? Неужели «простым людям»?

«Статус» - не мороженная рыба. Нам после телевизионных обвинений на всю страну под прилавок было не спрятаться. А верит «простая» публика громким словам и страшным кадрам, а не спокойным и разумным доводам. На это и расчёт у телекиллеров. Странно, что не подослали тогда ко мне настоящего киллера – раз уж я кого-то так достал. Но «Статусу», делу моей жизни, хватило тогда атаки телевизионного киллера. Это был смертельный удар. Особой разницы между реальным киллером, убивающим людей, и телекиллером, убивающим целый бизнес, я не вижу. В результате действий телекиллера гибнет компания, полезная для государства и его граждан, например, «Статус». Сказали «спасибо» Рафи Гинату тысячи репатриантов, которые после его передачи утратили возможность получить качественную переквалификацию и трудоустройство? Сомневаюсь.

Пару слов скажу о том, как это выглядело. Заставку «Кольботек» вы, возможно, помните: на тревожном жёлтом фоне сменяют друг друга жутковатые чёрные фигуры с ножами, наручники, злые собаки. Уже страшно. Программа обожала такой не вполне честный приём, как съёмки скрытой камерой. Я, когда смотрел выпуск, вспомнил: да, правда, приходили ко мне в офис несостоявшиеся студенты, провоцировали, разыгрывали истерику. Я присмотрелся и увидел у них замаскированную камеру. Рафи Гинат даже оставил в смонтированном сюжете этот момент, как я её нашёл и вытащил – ещё одно странное любование своим непрофессионализмом. Ну, они же гордятся тем, что они все «с улицы», чего удивляться.

Режиссура программы вообще меня покорила. В сюжете фигурировали договор Минтруда и ваучер демобилизованного, которые выдавались за документы «Статуса». В кадре документы располагались частями и не в фокусе, в расчёте на то, что зритель не успеет разглядеть. Один из людей, обвинявших меня,

сидел со скрытым лицом и изменённым голосом – побоялся раскрыть свою личность. Такому приёму, на мой взгляд, вообще веры нет – я знал одного телевизионщика из Москвы, который рассказывал, что в свою программу (тоже каких-то расследований) на такую роль «человека без лица» он всегда звал своего приятеля за двадцать долларов.

Сомнительные люди в передаче этим «чёрным человеком» не исчерпывались. Одну даму, тоже со скрытой камерой, за кадром отрекомендовали как жену одного из основных героев-жалобщиков. Позже выяснилось, что жена этого человека – инвалид и передвигается с трудом, а в мой офис заявила вполне здоровая подставная фигура. Зачем авторы программы на каждом шагу лгали и передёргивали? Затем, что это стиль «Кольботека».

Из минтрудовского документа (который выдали за наш) авторы взяли строчку, в которой с ошибкой указывалась аббревиатура организации IFPSM (Международной федерации по закупкам, управлению поставками, снабжению и логистике). Получалось, что мы утверждаем, что сотрудничаем с несуществующей организацией, хотя ошибка была в документе министерства. Дальше кольботековцы звонят прямо в кадре в реальную IFPSM. Оттуда со смехом сообщают, что указанной в документе организации нет, а есть они:

– А кто это так написал?

– «Статус».

– «Статус»? А, слышали. Какая-то непонятная контора.

Получалось, что мы всё путаем, а приличные организации от нас отрешиваются. Между тем это я, откровенно сказать, отказался когда-то иметь дело с людьми, представившимися IFPSM и предлагавшими совсем не нужное мне сотрудничество. (Они предлагали размещать на наших дипломах логотип IFPSM, недорого – всего-то по 500 шекелей за один логотип. Больше всего это предложение напоминало рэкет.)

Но разве «Кольботеку» интересна правда? Киллерам вообще правда неинтересна. Вы представляете себе киллера, который спрашивает у заказчика: а справедливо вы «заказываете» этого человека? Это совершенно лишняя для киллера информация.

Редакция нашла несколько человек, которые согласились обвинить мою компанию в нечестной игре. На мой взгляд, это была в чистом виде шайка, состоявшая из персон, которые сами

были должны денег «Статусу». То есть они по договору обязались оплатить своё обучение, а потом отказались. Я подозреваю, что перед съёмками этой шайке было сказано: расскажите в камеру, как «Статус» вас, бедных, пытается обобрать, после этой передачи компания рухнет, и вы никому не будете должны. Простой способ не отдавать долги!

Забегая вперёд, скажу, что я потом судился со всеми теми, кто выступал против нас в программе «Кольботек». Я подал иски даже не за клевету, а по существу договора с «Статус Скул» - кто же кому должен денег? Часть судов я выиграл безоговорочно, а часть разбирательств мои оппоненты, по совету их адвокатов, свели к мировому соглашению, чтобы минимизировать свой личный ущерб от уплаты нам компенсации.

Подчеркну, что суд Государства Израиль, рассмотрев дела по существу договоров, признал, что все наши договоры отвечают букве закона, корректны и демонстрируют наше лояльное отношение к студентам. Если бы суд установил, что наш договор ущемляет права потребителя, он бы такой договор моментально отменил!

Однако широкая публика, как мы помним, «делить на шестнадцать» не умеет и верит эмоциям, а не фактам. У массового зрителя осталось впечатление, что моя компания кого-то где-то обманула. Опять как в анекдоте: «То ли он украл, то ли у него украли, но что-то тут не то!» Можно посмеяться, но на самом деле не до смеха. «Пуля» телекиллера из винтовки под названием «Кольботек» вылетела, и её уже было не вернуть. Ложь, клевета, непроверенная информация, подтасовки, передёргивания – «пули», которыми стрелял «Кольботек». Эти «пули» попали и в сердце «Статуса», и заодно в головы зрителей. К сожалению, это работает; такая «журналистика» «бродячих котов» воздействует на публику, потому что это эффектно. Суд, который был на моей стороне, – непубличен, кто будет искать в Интернете его решение? А вот «обиженным» «простым» людям, героям программы «Кольботек», народ посочувствовал, потому что привык доверять телевидению.

Тем более весомо выглядит в эфире официальное мнение государственного ведомства. Было такое мнение и в выпуске «Кольботек», о котором мы говорим. «Бегущей строкой» в программе цитировалось официальное заявление Министерства абсорбции. Как же без них – у этой организации всегда есть что

сказать о «Статус Групп»!

Сотрудничество столь серьёзного ведомства с «жёлтой» телепрограммой выглядит странновато, но не является противозаконным. А вот содержание самого заявления, по моему убеждению, как раз нарушало закон, потому что не содержало ни одного слова правды. Это была ложь от первого до последнего слова – утверждаю это потому, что государственное ведомство не смогло впоследствии подтвердить свои собственные слова ни одним документом.

Позволю себе немного поутомлять вас подробностями, это важно. Министерство абсорбции говорит в своём заявлении, что оно получало многочисленные жалобы на «Статус Групп»: на невыполнение обязательств, на взимание денег и непредоставление обучения. Дальше министерство утверждает, что посылало нам обращения с требованием реагировать на эти жалобы. Дальше говорится, что «Статус» в письменной форме отвечал министерству, причём невежливо и не по делу. И в завершение сообщается, что Министерство абсорбции полностью прервало сотрудничество с компанией «Статус Групп».

Через какое-то время и я сам, и депутаты Кнессета официально запрашивали у Министерства абсорбции документы, подтверждающие правдивость заявления, озвученного в эфире «Десятого канала». Ведомство не представило ни одного документа. Почему? Если кто-то жаловался на «Статус», в архиве должны храниться эти жалобы. Если министерство запрашивало у нас объяснений – у них должны быть копии этих запросов, исходящие номера такие-то. Если я «невежливо и не по делу» отвечал, в архиве должны остаться мои ответы, входящие номера такие-то. Такого рода документы никак не могут составлять государственную тайну или по другой причине быть секретными. Однако никто этих входящих-исходящих в глаза не увидел – подозреваю, что по простейшей причине: их не существует. Во всяком случае, я не получал и не писал ничего подобного.

Кстати, два слова о форме этого официального заявления. Один мой знакомый, профессиональный тележурналист, посмотрел этот выпуск «Кольботек» и удивился: а почему мнение министерства, по сути, анонимно? Почему его не озвучил живой представитель министерства, в кадре, с лицом и фамилией? Если оно пришло в редакцию в виде официальной бумаги, почему не показывается сама бумага, с подписью и печатью? Если

«бегущую строку» надиктовали из министерства по телефону, где аудиозапись? Не сочинили ли «бродячие коты» эту министерскую писульку сами? Логичные вопросы.

Давайте рассуждать дальше. Ладно, предположим, что у Министерства абсорбции есть все эти документы, но оно по непонятной причине сидит на них верхом и показывать никому не хочет. Это ещё не преступление. Но если чиновники неоднократно убеждались в том, что моя компания берёт деньги за курсы и не предоставляет этих курсов, они должны были по Уставу министерства давно учинить мне серьёзное разбирательство. Вызвать на комиссию, да не одну. Если же я злобно не реагирую и не исправляюсь, провести проверку. Если обнаружилось бы с моей стороны нарушения, материалы по делу «Статуса» должны были отправиться в полицию. Однако я не получал вызовов на комиссию, ко мне не приходили с проверками, и полиция меня не беспокоила.

Это что же получается? Либо Министерство абсорбции долгое время знало о нарушениях, но документы скрывало и не давало делу ход – тогда они сами преступники? Либо Министерство абсорбции изложило в эфире «Десятого канала» лживые сведения, оклеветало мою компанию, и тогда они снова преступники? А отмалчивались они потому, что знали: в телеэфире прозвучала ложь, подтвердить свои слова им нечем; но выстрел киллера сделан, и после него лучше просто «взять паузу». Ведь время работает на киллера и его заказчиков, пока жертва истекает кровью. Государственное министерство, получается, использовало в своей деятельности известные приёмы «жёлтой прессы»: выстрелить и спрятаться в укрытие; ни в коем случае ничего не разъяснять, правды не говорить, больше туману; а мнение толпы довершит дело. Как раз подходит метафора Рафи Гината: бродячие коты за своё мяуканье ответственности не несут – шмыг в подвал, да отсидеться.

Чтобы подтвердить эту мысль, скажу ещё, что «Десятый канал» отказался предоставить мне слово в прямом эфире – при том, что передач в прямом эфире у них было много, техническая возможность была. Но у бродячих котов не заведено выслушивать ответы на своё мяуканье.

Сходство приёмов, которыми «жёлтая» программа «Кольботек» и Министерство абсорбции добиваются своих целей, наводит нас на очередную логичную мысль. О том, что киллера, по

имени Рафи Гинат, нанял заказчик – Министерство абсорбции. Другого объяснения я пока не нахожу. Причём замечу, что заказчик, нанявший ведущего «Кольботек», не прогадал и мог им быть вполне доволен. Для выстрелов «пулями» лжи и передёргиваний профессионализм не нужен. Нужны цинизм, умение жонглировать обрывками правды и отсутствие стыда. Рафи Гинат не разочаровал заказчика.

Мы уже знаем, что Рафи Гинату постоянно кто-то заказывает «музыку». Историю про мороженую рыбу мы помним – там без особого труда нашелся тот, кому выгодно. Был ещё выпуск «Кольботек», в котором наш робин гуд разоблачал некоего международного афериста. Комментаторы предположили, что аферист-то действительно многих обманул, но Гинат взялся обличать его потому, что он должен был свидетельствовать в суде против Эхуда Ольмерта по делу «Холилэнд». Многие вспомнят, я думаю. Гината газеты назвали тогда «другом Ольмерта». Имеющий глаза без труда мог видеть, что выступления «друга Ольмерта» и врага мороженой рыбы заказаны, причем никак не «простыми людьми». «Простыми людьми» «Кольботек» только прикрывался, делая свой заказной бизнес.

Кто же направил выстрел его винтовки по имени «Кольботек» на мой «Статус»? Кому было выгодно, чтобы он перестал существовать? Очевидно, тем, кто дал для «Кольботек» лживый комментарий и помог убить мою компанию.

Кстати, о великом разоблачителе. Многие знают, что на «Десятом» Рафи Гинат не задержался, с должности генерального директора его попросили после многих скандальных историй. Знаменитый «Кольботек» пару лет назад прекратил своё существование, но нагадить на моей дороге этот «бродячий кот» успел. Выпуск программы висит в Сети до сих пор, и это сыграло роковую роль в судьбе «Статуса».

Все в Израиле знают старую хасидскую притчу про раввина и подушку. Человеку, который оболгал раввина и потом захотел извиниться, мудрец велел распороть подушку, разметать во все стороны перья, а потом сказал, что восстановить доброе имя – так же трудно, как снова собрать все перья. В современном обществе роль «перьев» играет как раз Всемирная Сеть. Рафи Гинат дал моим недобросовестным конкурентам и моим врагам из числа нечестных чиновников очень убедительное знамя борьбы со «Статусом».

Все мы знаем, что оправдываться в таких случаях – только хуже. «Оправдывается – значит, вправду виноват», - рассуждает обычно обыватель. Да, я отстоял свою правоту в суде и доказал, что это не я обманул несчастных «простых» людей, а они пытались обмануть мою компанию. То есть восстановил своё доброе имя хотя бы юридически. Но репутация – важнейшая вещь, и её очернение стало последним шагом в процессе убийства моего бизнеса. Соучастниками этого тщательно спланированного убийства, получается, стали «жёлтая» программа «Кольботек», намеренно сфабриковавшая в эфире отрицательный образ «Статуса», и Министерство абсорбции, специально опубликовавшее в эфире насквозь лживое заявление. Не знаю, участвовала ли в создании этого заявления моя любимая чиновница Клавдия Кац или кто-то из её канцелярии. Утверждать ничего не могу – авторство «бегущей строки» в программе так и осталось тайной. Но методы до боли знакомые – именно при помощи лжи и передёргиваний госпожа Кац боролась с моей компанией несколько лет, ещё до истории с телекиллерами.

Не смог преодолеть беззаконие и Кнессет – я уже рассказал, что несколько парламентариев направили в Министерство абсорбции запросы. Тишина внутри крепости не нарушилась ни одним ответом. Дмитрий Опарцев, снимая с себя полномочия гендиректора министерства, снизошёл до ответа одному из депутатов. Господин Опарцев очень извинялся, что ему было безумно некогда рассмотреть запрос за все те полгода, что бумага пролежала на его столе.

В конце каждой истории я повторяю, что ситуация, когда «большие» люди и организации уходят от ответственности, недопустима в цивилизованном государстве. Первые люди Министерства абсорбции должны объяснить, почему успешная компания, приносившая государству огромную прибыль, была убита. Должны дать ответ предполагаемые соучастники убийства: министр абсорбции Софа Ландвер, бывший гендиректор министерства Дмитрий Опарцев, бывший гендиректор «Десятого канала» Рафи Гинат, а также некий представитель министерства, сочинивший и представивший программе «Кольботек» официальное мнение своего ведомства.

В истории с программой «Кольботек» у меня еще добавляется вопрос к Министерству связи, которое даёт лицензии телеканалам. Телеканалы – не просто развлечение. Уровень доверия к

телевидению у израильской публики высок. Поэтому программы должны проверять на достоверность дирекция канала. Правда, в случае Рафи Гината он был сам себе дирекция, поэтому это правило не работало. На приличных каналах, кстати, так вообще не делают: гендиректор не ведёт программ, у него полно другой работы, и если действующий журналист назначается начальником – из эфира он уходит. Ну, это на приличных каналах. Поэтому в случае с «Десятым» следующую ступень контроля должно было осуществить Минсвязи.

Ведь иначе ситуация весьма напоминает беспредел, который можно наблюдать в пресловутых банановых республиках: министерство даёт лицензии телекиллерам на отстрел неудобных и никак за эти лицензии не отвечает. А телекиллеры расправляются с теми, на кого их натравят, по пути учиняя полный хаос в головах зрителей. В результате погибают честные компании, а люди остаются без качественных услуг. И всё это в угоду недобросовестным чиновникам, которым выгоднее «пилить» бюджетные средства, а не заботиться о гражданах страны. Телекиллерство, в отличие от настоящего киллерства, как правило, ненаказуемо. Следующий шаг – это когда и настоящих киллеров наказывать перестанут.

Похожа картинка на наше государство? Очень жаль, но – да.

А компанию мою при помощи телекиллера убили по-настоящему. Я бы хотел, чтобы такие истории не повторялись с другими компаниями. От всего этого один шаг до убийства государства – руками людей, которые забыли о долге во имя личных интересов. Я пишу эту книгу, чтобы такого не случилось.

Глава 5. Лавина с горы

Дорогие читатели, вы, наверное, недоумеваете: почему в рассказе о том, как удар по моей компании был нанесён при помощи телевидения, я повторяю слова «киллеры», «убийство», «гибель»? Неужели 27 минут эфира в телепрограмме способны уничтожить благополучный, жизнеспособный бизнес? Я и сам не поверил бы, если бы не почувствовал силу слова на собственной шкуре. До чего сильно воздействует на умы слово, произнесённое из телевизора! Причём слово - насквозь лживое. Об этом я рассказал в предыдущей главе. Но именно направленное против меня так называемое «журналистское расследование» я сравниваю по воздействию с выстрелом, который провоцирует в горах сход лавины. До этого вокруг меня, образно выражаясь, шумели и кричали – и от этого шума срывались с вершины небольшие сугробы снега. Неприятные, но от них моя компания так или иначе отбивалась. Было ощущение, что в нас постоянно швыряют снежные заряды разного размера, но они ни разу не перекрывали нам кислород совсем. А после передачи на «Десятом» снежные заряды пошли непрерывным нарастающим потоком и превратились в смертоносную лавину.

Денег больше не дадим!

Я даже не думал, что «жёлтая пресса» в нашей стране имеет такую власть над умами и репутациями.

После эфира «Кольботек» я некоторое время кипел от возмущения и отвечал на телефонные звонки близких и знакомых – кто-то сочувствовал, кому-то приходилось объяснять, что меня подставляют. Через несколько дней меня ждали первые неприятные «плоды свободы слова».

Мне позвонили из двух банков, которые обслуживали счета моей компании и обеспечивали нас оборотным капиталом. С руководителями филиалов, которые позвали меня на неофициальные встречи, у меня были приятельские отношения. Никогда у нас не было друг к другу претензий.

И вот сначала глава филиала одного банка, потом глава филиала второго с интервалом в несколько дней сообщают мне почти одно и то же. А именно: мы вас хорошо знаем, работаем вместе больше десятка лет и ценим вас как надежного клиента.

Но после передачи на «Десятом канале» уровень рисков у вашей компании существенно возрастает. Конечно, нам не хочется верить всем тем гадостям, которые про вас сказали с экрана. Но риск – это серьёзно, и мы убедительно просим вас резко сократить кредитные линии в нашем банке. Даже, можно сказать, требуем. Если вы не примете меры по сокращению кредитных линий со своей стороны, мы тогда сделаем это за вас. Хотя не хотелось бы. Самим, что называется, жалко; но бизнес есть бизнес.

Они даже выслушали (каждый в свою очередь) мои объяснения: что меня подставляют, что это чиновничьи игры, что я не имею привычки обманывать. Сочувственно покивали. Сказали, что дадут мне время на выход из кредитных линий – хоть месяц, хоть два. Но в основном вопросе были непреклонны – риск слишком велик. Я их понимал и не мог ничего поделать – это только на базаре можно попросить рискнуть, а если всё-таки случатся неприятности, то берите розгу и секите меня. Банк – это не прилавки на базаре. Деньгами не рискуют.

Так на мою голову обрушилась первая часть лавины: компания лишилась кровеносной системы - оборотных средств. Получалось, что у нас резко не стало денег ни на что.

В размышлениях о том, как быть дальше, я провёл несколько бессонных ночей. И принял весьма болезненное решение. Пришлось свернуть основное направление работы рекрутинговой компании «Перфект Плюс», то есть, по сути, лишить ее жизненных сил.

Многие знают, что есть такое направление работы кадровых агентств – лизинг персонала, когда агентство обеспечивает предприятие определёнными работниками, но числит этих работников в своём штате. Большим предприятиям зачатую выгоднее такая «субаренда» сотрудников, и моя компания держала на ставках довольно много специалистов, работавших на заводах. Чтобы таких работников держать, нужен крупный оборотный капитал, а его у меня больше не было. И вот эту, довольно обширную, область нашей работы, которая приносила немало денег на развитие компании, я и решил свернуть, потому что выбора не оставалось. Специалистов я просто «бесплатно раздал» по тем заводам, где они работали, их там взяли в штат, или перевёл в штат других рекрутинговых компаний. То есть для этих людей ничего или почти ничего не изменилось, а вот у

«Перфект Плюс» оставалась теперь только та часть рекрутинговой работы, которая не приносит столько денег, как лизинг – просто поиск работников по заказам предприятий за маклерские отчисления. Это были крохи в сравнении с прежними нашими масштабами.

Я ощущал себя так, словно добровольно сам себе отрубил руку в надежде спасти всё остальное тело. И ещё не знал, что операция не поможет.

Ложь работает

Принимая решение о закрытии основного направления деятельности «Перфект Плюс», я всё-таки запретил себе отчаиваться. Оставалась ещё огромная часть работы – обучение людей и их трудоустройство. Не обязательно же было это делать путём лизинга персонала. Многие предприятия и организации рады были получать к себе на работу наших выпускников и платить за них. Были реальные шансы продержаться какое-то время – например, год – за счёт продажи курсов, в том числе на частном рынке.

Я, честно говоря, надеялся, что через год или чуть больше пена, взбитая программой «Кольботек», уляжется, и всё вернётся в привычное русло.

С Министерством абсорбции мы тогда уже не сотрудничали. Они вели себя так, словно Государство Израиль – их приусадебный участок, а бюджетные деньги – их собственный кошелёк. Вы сами убедились в этом, дочитав книгу до данной страницы. Я уже писал, что ваучеры на обучение выдавало ещё и Министерство труда. Первое время после того, как банки лишили нас оборота, мы ещё набирали группы, но количество студентов резко сократилось. Главная причина была в том, что Министерство абсорбции продолжало против нас диверсионную работу. Всякому, кто попадал в поле их зрения и произносил название «Статус», они сразу советовали: а наберите в Интернете это слово и сами полюбуйте, какая про эту компанию есть информация. Вот почему я всё время называю удар по моему бизнесу, нанесённый Рафи Гинатом, смертельным: при попытке набрать в поисковых системах название «Статус» ссылка на его проклятую передачу «вылезает» первой, даже раньше, чем наш собственный сайт. Дело, скорее всего, в том, что мощность ресурса «Десятого канала» больше, чем у любого частного сайта. Но не

исключаю, что приложили к этому руку так называемые «тролли», специально раскидавшие по Сети ссылки на «Кольботек». Известно, что эта интернетная «профессия» в последние годы всё шире распространяется.

Это был очень действенный инструмент борьбы с нами. Чиновники Министерства абсорбции имели возможность, ссылаясь на пресловутый выпуск «Кольботека», клеветать на нас и называть аферистами. Вот, говорили они, сами же видите, даже передача про них была, целое журналистское расследование. Пользовались этим инструментом и мои конкуренты – говорили потенциальным студентам то же самое. Причём практически все. Я отнюдь не хочу сказать, что все бизнесмены, работающие в нашем сегменте рынка, - бессовестные циники. Есть нормальные компании, ими руководят порядочные люди. Но когда есть ружье, почему же из него не выстрелить? Полагаю, что многие делали это вовсе не для того, чтобы специально навредить «Статусу», а просто чтобы продать свои курсы. В результате негативная информация о нашей компании расползлась по стране как чума. Рынок Израиля очень тесен.

В нашей компании наступили мрачные времена. Казалось, что-то подломилось в самом фундаменте. Всякий бизнесмен знает, что фундамент его дела – это люди. Сотрудники, прошедшие вместе огонь, воду и медные трубы. Готовые прикрывать спину друг другу. И вот я стал понимать, что многие мои коллеги, ещё недавно гордившиеся тем, что работают в «Статусе», стали этой работой тяготиться. У меня нет и мысли их осуждать.

Одна из основных причин: резко упали заработки. Почти у всех моих сотрудников значительную долю зарплаты составлял процент с продаж. А продавать курсы и набирать группы получалось всё хуже и хуже: мои недоброжелатели с помощью лживого телепродукта довольно сильно распугали наших потенциальных студентов. Значит, понизились зарплаты, не стало премий. Мои соратники серьёзно пали духом.

Честно сказать, коллеги мои привыкли к хорошей рабочей атмосфере без негатива, к тому, что наши дела идут неплохо. А тут, кроме финансовых проблем, начались ещё и психологические. И причиной стал снова выпуск «Кольботека», в котором нас ославили на всю страну. Даже удивительно было осознавать, как много народу посмотрело передачу. Точнее, большая

Кто «убил» «Статус», или Преступление без наказания

часть увидела ее в Интернете – её очень легко найти, даже до сих пор. Я уже упоминал, что есть технологии, позволяющие тот или иной продукт сделать очень популярным во Всемирной Сети.

И вот одну мою сотрудницу вызывает учительница школы, куда ходит её ребёнок, и заставляет униженно объяснять, почему это её показывают в передаче «про аферистов». Другую сотрудницу соседи по дому спрашивают: как-как называется ваше место работы, не «Статус Групп» ли? Ой-вэй! И как вам там, среди воров и кровопийц, работается? К этому всему добавились частые и довольно неприятные анонимные звонки в офисы:

– Это «Статус»?

– Да.

– Мы видели про вас передачу, вы обкрадываете бедных и несчастных, вам за это отомстят, готовьтесь.

Я предполагаю, что нанять двух-трёх мерзавцев, чтоб несколько раз в неделю звонили с такими текстами, совсем недорого и несложно.

Это я к тому рассказываю, что, когда мои сотрудники один за другим стали нести мне заявления об уходе, я не особенно даже удивился. Сработал тот самый принцип лавины. Все мы люди, и тут даже ни при чём преданность профессии или руководству. Работа в компании перестала приносить деньги, удовольствие и ощущение востребованности, вот они и уволились. Что поделаешь. Мне нечем было людей мотивировать. Когда к безденежью, отсутствию работы и рекламы, общему пессимизму добавился ещё и шантаж по телефону, то люди решили, что нервы дороже.

Из-за лживой программы Рафи Гината пострадали очень многие люди. Мои сотрудники прошли через нервные стрессы, кто-то уволился и вынужден был искать новую работу. Когда моя компания окончательно обрушилась, тысячи израильтян лишились возможности качественной переквалификации. Мы приносили прибыль государству. Вот почему, повторю я свою мысль из предыдущей главы, телевизионный киллер почти так же опасен для общества, как настоящий киллер.

Я пишу это для того, чтобы полиция Государства Израиль занялась деятелями вроде Рафи Гината, потому что они совершают действия, ведущие к смерти успешных, полезных компаний. Это негативно влияет на рынок, портит жизнь людям, кото-

рые создавали эти компании, вкладывали в них свои деньги и жизненные силы, а также людям, которых эти компании обеспечивали рабочими местами. Не говоря уже о людях, которые пользовались качественными услугами.

Поэтому если не остановить деятельность телекиллеров, то скоро будут считаться нормой и заказные убийства людей. Есть страны, в которых дела так и обстоят. Но Израиль пока считает себя цивилизованным государством!

На одной ноге не устоять

Мне всё более очевидно становилось, что надо если не банкротиться, то серьёзно сокращать активы. Мы ещё учили людей – некоторые курсы у нас продолжались до восьми месяцев, поэтому объявлять компанию несостоятельной было нельзя. Но мне пришлось сокращать филиалы просто потому, что я не мог всех «прокормить». Я своим нелегким решением закрыл сначала самые дальние – в Безр-Шеве и Кармиэле, потом в Нетании. Филиалам надо было завершить курсы, которые они начали. Это был колоссальный ущерб для меня. Тель-авивский филиал был самый дорогой, по аренде и другим расходам, но всё равно мы всех доучили. Это ещё и психологически сложно – поддерживать систему, у которой нет будущего. Но долг перед студентами был для меня важнее. В конце концов я сделал ставку на два самых надёжных филиала – в Хайфе и Ашдоде, с которых я когда-то начинал своё дело.

Вернусь к рассказу о том, что с ваучерами мы теперь работали только от Министерства труда, и получали их будущие студенты через биржи труда. Мы довольно успешно набирали группы, и вдруг я начинаю замечать проблемы с биржей труда в Ашдоде. Глава этой биржи труда, звали его Эльдад Кнафо, отказывается выдавать ваучеры тем, кто собирается учиться у нас. Это было незаконно: биржа труда не имеет права отказывать в ваучерах желающим учиться в школе, если у школы есть лицензия Минтруда. А в Ашдоде в течение года с лишним не выдают ваучеры тем, кто решил идти учиться в «Статус Скул». Они отговорили десятки, а может, и сотни людей!

Я многократно разговаривал по телефону с господином Эльдадом. Он выкручивался, обещал разобраться, врал. По закону всё очень просто: если у школы есть лицензия Минтруда, ваучер желающему в ней обучаться должен быть предоставлен. Биржа

труда в Ашдоде под руководством господина Эльдада Кнафо явно поступала вопреки закону.

Опишу один из многих случаев. Мы набрали полноценную группу из 12 человек, обучение которой могло несколько поправить наши дела. Шестеро из них должны были учиться за ваучеры, и без них формировать группу смысла не имело – это была бы работа в минус. И вот этим шестерым лично господин Эльдад отказывает в ваучерах для учёбы у нас – как уже было много раз.

Я снова ему звоню.

Говорю: разве законно то, что вы делаете? Биржа труда в Хайфе даёт ваучеры для обучения в тамошнем нашем филиале без всяких проблем.

Значит, в Хайфе нарушают закон, отвечает он, а мы всё равно правы.

Да как же, говорю я, ведь у нас есть лицензия! Вы не можете нарушать наше право нормально работать!

Я не по своей воле, отвечает Эльдад. Мне дали указания. – Кто? – Сверху. – Что значит «сверху», кто это? – Ну... Сверху.

Запись этого диковинного разговора у меня есть, как и многих весьма показательных разговоров с Эльдадом.

Стал я прикидывать, что значит в этом контексте «сверху».

И вспомнил, что в Ашдоде, собственно, живёт министр абсорбции Софа Ландвер. Об этом даже честно написано на сайте министерства. Значит, на ашдодские реалии влиять она может неограниченно. Уж не она ли с того самого «верха» отдала распоряжение не пускать людей к нам учиться? Да и моя любимая чиновница Клавдия Кац тоже жила когда-то в Ашдоде. И тоже наверняка оставила там какие-то связи.

Я подумал, что Министерство абсорбции уже не первый год напоминает мне какой-нибудь сицилийский синдикат, распустивший щупальца далеко за пределы своего ведомства. Я уже и на страницах этой книги сравнивал этих милых людей с мафией. А если мафия принимает решение кого-то уничтожить, в её правилах произвести контрольный выстрел. Вот удар по моему ашдодскому филиалу сильно напоминал именно контрольный выстрел. История с этой группой из 12 человек окончилась не в нашу пользу: Эльдад всё равно поступил по своему произволу, половина потенциальных студентов не получила ваучеров и «отпала», а учить группу из шести человек – это была бы работа

в ущерб компании. Но те шесть возможных наших учащихся, которым не дали ваучеры для учёбы у нас, пошли не на улицу, а к нашим конкурентам. И для учёбы в других школах биржа труда без вопросов выдала им ваучеры. Диверсия ведь задумывалась только против нас. Если человек имеет возможность учиться бесплатно (за ваучер) не в «Статусе», а в другом месте, он, конечно, пойдёт и возьмёт даром то, что у нас должен был бы купить.

В результате незаконных действий главы ашдодской биржи труда дела этого нашего филиала пошли совсем плохо.

Чтобы доучить людей, которых мы приняли ранее, мне пришлось договориться с другой компанией. Они были наши конкуренты, но люди порядочные. Нам даже заплатить им было нечем. Мы отдали им оборудование для классов, предоставили программы, разработанные нами. Только чтобы они доучили наши группы.

Я уже говорил, что планировал оставить компании, как две опорные ноги, два филиала: в Ашдоде и в Хайфе, и при их помощи устоять. Однако, когда из-под моего бизнеса выбили одну ногу, на одной оставшейся не больно-то устоишь. Это был действительно роковой удар.

Я предполагаю, что господин Эльдад Кнафо, возможно, подерживаемый моими любимыми чиновниками Министерства абсорбции, вообразил, что он царёк на своём месте и может творить что хочет. То есть это всё одна мафия, привыкшая гнуть всех в дугу, распоряжаться деньгами государства, как своими, и решать всё по своему хотению.

Посмотрим в зеркало

Мне стало очевидно, что бизнесу конец. С момента, когда наступили критические времена, и до момента, когда вся деятельность «Статуса» была прекращена, прошел примерно год. Я понимал, что дело идёт к закату. После истории с господином Эльдадом нам предстояло доучить ещё некоторых наших студентов. У нас уже не было для этого ресурсов. Новые группы набирались плохо. Надо заметить, что в порядке частного обучения к нам всё-таки шли люди, вдохновлённые «народной молвой» и рекомендациями друзей и родственников. Но их количества было недостаточно, чтобы удержать компанию на плаву. У нас был обширный, многопрофильный бизнес. Когда лавина об-

рушилась, оставшихся подпорок стало недостаточно.

Но, повторяюсь, ещё в нормальные времена мы набрали группы учащихся, которых обязались выучить и помочь трудоустроить. И тут мне лично пришлось залезать в долги, брать кредиты под свой собственный пенсионный фонд, договариваться с конкурентами, чтобы принятые нами на учёбу люди завершили переквалификацию у них. Это потребовало массы хлопот: договорённости с Министерством труда, перевод людей из одной лицензированной школы в другую, денежные траты. Я могу сказать совершенно твёрдо: ни один человек не может утверждать, что я его принял на учёбу и не доучил. Я выполнил все обязательства, которые принимал на себя, когда «Статус» был на плаву. Я не обманул ни одного человека, заключавшего со мной договор.

Хотя вполне мог бы этого и не делать, между нами говоря. Есть масса примеров в нашем сегменте рынка, когда компании объявляют себя несостоятельными и не выполняют обязательств, ссылаясь на обстоятельства непреодолимой силы. Может, кто-то помнит: такие истории случились с школами «Лебон», «Кидма Ацфонит», «Михваля ле Асава Мицкоит». Они просто развели руками и заявили: мы банкроты, и студенты могут отправляться на все четыре стороны – доучились, не доучились, мы теперь ничем помочь не можем. По закону они имели на это полное право. Вот и я как глава компании юридической ответственности не нёс и вполне мог спокойно лечь на диван и никого не выручать. И сэкономить, кстати, больше миллиона шекелей – тут и деньги компании, и мои собственные. Однако я все свои обязательства выполнил. К концу истории у меня часто не было денег машину заправить, но свои обязательства я выполнил.

Вы спросите – почему? Ты что, такой идеальный?

Да Б-же упаси. Просто я все эти годы помнил, что говорят мудрые люди: когда утром смотришь в зеркало, надо, чтоб было не стыдно туда смотреть. Мне не стыдно. Когда гибла моя компания, я никого не обманул. А наоборот, вложил всё, что было, и даже больше, в то, чтобы честно довести до конца то, что должен был довести. Такие у меня принципы. В зеркало смотрю без стыда.

Мои любимые чиновники Министерства абсорбции, уничтожившие мою компанию, приносившую большую пользу Израилю, тоже наверняка каждое утро с удовольствием смотрятся в зер-

кало. Только их ничто не смущает, потому что у них есть чёткий договор с совестью. И они привыкли воспринимать страну как свою вотчину, госбюджет – как свой кошелек, людей в государстве – как своих слуг. В их системе – всё нормально.

Меня волновал вопрос: как же это я обману людей? Чиновники, помешавшие моему бизнесу жить и приносить пользу, этим вопросом не задаются. Они прекрасно знали, что в случае гибели «Статуса» у массы людей возникнут проблемы. У тех самых «простых людей», репатриантов и не только, о которых Министерство абсорбции на словах печётся днём и ночью. Куда эти люди пойдут доучиваться, на какие деньги, где будут искать работу – это не интересовало министра Софу Ландвер, главу департамента трудоустройства Клавдию Кац, гендиректора министерства Дмитрия Опарцева (уже теперь бывшего гендиректора). Если бы я в период кризиса бросил своих студентов и заявил, что компания-банкрот за их дальнейшее образование ответственности не несёт, то Министерство абсорбции и не подумало бы этим людям помочь возместить ущерб, найти работу. Министерство, скорее всего, свалило бы вину за случившееся на «Статус», оно уже так поступало с другими компаниями. Моих любимых чиновников в самую последнюю очередь волнует судьба «простых людей». Они же сами люди непростые, считают себя полубогами и полагают, что громких слов про заботу о населении страны достаточно.

Я пишу эту книгу, чтобы такая система не стала нормальной. Чтобы граждане Израиля не мирились с системой, подобной мафии. Потому что мафия подгребает под себя всё, если ей не противостоять.

Повторю вопрос, который всё время задаю на страницах этой книги: есть ли закон в Государстве Израиль, кто и как стоит на его защите? У нас демократическая страна или банановая республика?

Полиция, прокуратура и государственный контролёр должны дать правовую оценку действиям недобросовестных чиновников и их приспешников. Иначе истории, подобные моей, будут повторяться, а произвол и беспредел заменят собой закон.

Вместо послесловия

Люди пишут книги по разным причинам.

Я написал эту книгу, чтобы сказать о том, что важно. Назвать своими именами вещи, имеющие большое значение для нашей страны. Очень хотелось бы, чтобы эта книга стала началом серьёзного разговора с участием важных ответственных лиц.

Я рассказал о судьбе своего бизнеса потому, что история моей компании очень показательна, а ещё потому, что я как непосредственный участник могу ручаться за достоверность истории.

На примере своей компании я хочу предупредить других бизнесменов, а заодно всё израильское общество, о том, что в недрах государственного организма Израиля есть очаги заболевания. Попытаться поставить предварительный диагноз. Предварительный – потому, что я не врач. Врачом в случаях, подобных тому, что мной описан, является государство в лице правоохранительных и контролирующих органов. Я бы очень хотел, чтобы они поставили окончательный диагноз в этой истории болезни – в виде официального заключения.

«Диагноз» в переводе с латыни – распознавание. То есть первый важный шаг в борьбе с болезнью – информация о ней. Потом – анализ данных.

Я всё время сравниваю процессы, проходящие в некоторых государственных структурах Израиля, с злокачественной опухолью. Если такое заболевание не лечат, оно оборачивается гибелью всего организма и разложением. Порча, растление, разложение - так переводится с латыни «*corruptio*», отсюда происходит слово «коррупция».

Теперь давайте анализировать.

Согласно Справочному документу ООН о международной борьбе с коррупцией это явление описывается так: «Злоупотребление государственной властью для получения выгод в личных целях».

Вспомните поведение верховных чиновников моего любимого Министерства абсорбции Израиля в истории с государственным тендером. Очень похоже на использование властных полномочий для того, чтобы сохранить кусок государственного бюджета за определённым кругом заинтересованных лиц и организаций.

Посмотрим другие пункты, по которым определяется коррупция. Определения дают многие источники в том же Интернете.

Кто «убил» «Статус», или Преступление без наказания

Такое, например: «Использование должностным лицом властных полномочий и прав, (...) противоречащее законодательству и моральным установкам».

История с гарантийными письмами для репатриантов вся вопиюще противоречит законодательству о трудоустройстве. Нарушали закон представители проекта «Ахвен» и Министерства абсорбции, когда распространяли клевету о моей компании.

И разве соблюдал моральные установки департамент Клавдии Кац, когда лишал репатриантов возможности качественной переквалификации? А телевизионный убийца Рафи Гинат, делая свою лживую программу, вспомнил о морали?

Вот ещё что пишут во Всемирной Сети: «Системный характер коррупции проявляется в её принудительном характере для тех, кто работает в государственных организациях, ею охваченных».

Попытки втянуть мою компанию в сомнительные дела показывают: авторы разных сомнительных схем не сомневались, что нас удастся принудить в них участвовать. Иначе это называется «рука руку моет» - когда все повязаны и никуда не деться.

Попробуем сделать выводы.

Я – не полиция, не прокуратура и не госконтролёр. Поэтому я могу только поставить предварительный диагноз: всё это очень похоже на коррупцию. В медицине касательно опасных диагнозов сначала тоже говорят: есть подозрение. Нужны дополнительные исследования. И поручают их специалистам.

Я не один сравниваю ситуацию с болезнью. Политик и философ эпохи Возрождения Никколо Макиавелли тоже писал, что коррупция более всего напоминает ему чахотку; и если её вовремя распознать, успех лечения будет более заметен.

Повторю ещё раз мысль, уже высказанную на страницах этой книги: ситуация требует серьёзного разбирательства полиции, прокуратуры, государственного контролёра Израиля. Эти уважаемые инстанции должны поставить окончательный диагноз.

На мой взгляд, вариантов диагноза два.

Первый вариант: всё, что я здесь описал, уже более не считается в Израиле сомнительными схемами и противоправными действиями. Это теперь новые правила жизни в стране и взаимодействия с госструктурами.

Тогда заинтересованные лица и организации поймут, что теперь жить надо по законам банановой республики. Хочешь – живи, хочешь – уезжай.

Второй вариант: все, что я здесь описал, получит конкретную официальную оценку правоохранительных органов. Последует разбирательство, будут сделаны выводы.

Тогда чиновники, забывшие о своём долге во имя личных интересов, дадут в официальном порядке отчёт о своих действиях, а Израиль подтвердит свою репутацию демократической, цивилизованной страны.

Страны, в которой хочется жить.

Выбирать из двух вариантов – не мне, а читателям. В первую очередь тем читателям, которые наделены полномочиями ставить окончательные диагнозы и лечить болезнь.

Издательство «Москва»

Мы занимаемся реализацией проектов по выпуску книг различной тематики. Приглашаем к сотрудничеству авторов.

Одно из отличительных особенностей нашего издательства заключается в том, что мы работаем и с ***начинающими никому неизвестными авторами***.

Для авторов мы предлагаем различные модели сотрудничества, в рамках которых можно издать и распространять свои книги на очень выгодных условиях:

- Модель №1. Бесплатное издание книги.
- Модель №2. Продвижение автора книги и других проектов (нашего издательства и других авторов).
- Модель №3. Активное продвижение только автора книги.
- Модель №4. Частичное финансовое участие автора в проекте по изданию своей книги.

Здесь перечислены только стандартные модели сотрудничества с авторами книг. При необходимости можно сотрудничать и по индивидуальной модели.

Подробности можно узнать в разделе **«Авторам»** на нашем сайте www.books-moscow.ru.

Каждый может выбрать наиболее подходящую модель сотрудничества в зависимости от цели издания книг, а также стратегии зарабатывания денег с их помощью¹.

По всем вопросам, связанным с работой нашего издательства и с условиями сотрудничества, вы можете обращаться по электронному адресу m-books@bk.ru

¹ подробнее об этом можно прочитать в книге Александра Карпова «Как написать книгу и заработать на этом деньги»

Обращение к читателям от издательства

Мы стараемся издавать интересные и полезные книги для наших читателей. Кроме того, делаем все для того, чтобы книги были доступными по цене. Для этих целей мы оптимизируем все наши бизнес-процессы, чтобы снижать себестоимость книг, а значит, и их цены.

Есть одна статья затрат, от которой мы вообще отказались, – это активная реклама книг. С одной стороны, такое решение позволяет не увеличивать цены на книги, но, с другой стороны, не способствует увеличению продаж. Чем выше продажи, тем больше прибыль, которую издательство может направлять на выпуск новых книг для своих читателей.

Тогда возникает вопрос: если не рекламировать книги, то как же донести до читателей информацию о новинках? Мы считаем, что это нужно делать **только с помощью читателей**. Поэтому мы и обращаемся к вам с такой просьбой.

Если вам в целом понравилась книга «Кто «убил» «Статус», или Преступление без наказания», и вы считаете, что она действительно может быть интересной и для других читателей, то мы просим вас сообщить о ней другим людям всеми возможными способами.

Итак, есть разные способы рассказать об этой книге:

- сообщить своим знакомым и друзьям по телефону, по электронной почте или при личной встрече;
- написать на своих страничках в социальных сетях, оставив ссылки на книгу;
- упомянуть (в т.ч. оставив ссылки на книгу) на различных интернет-форумах, связанных с тематикой данной книги;
- можно использовать и любые другие способы.

При использовании различных интернет-ресурсов можно оставлять следующую ссылку на эту книгу:

www.books-moscow.ru/book_feldman.html

В общем, если у вас есть такая возможность, просим помочь это сделать (только при условии, что книга вам понравилась).

С благодарностью за помощь и поддержку,

Редакция издательства «Москва»

Хаим Фельдман

Кто «убил» «Статус»,
или Преступление без
наказания

Издательство «Москва»
www.books-moscow.ru
m-books@bk.ru

Тираж 1000 экз.

г. Москва
2018 г.